

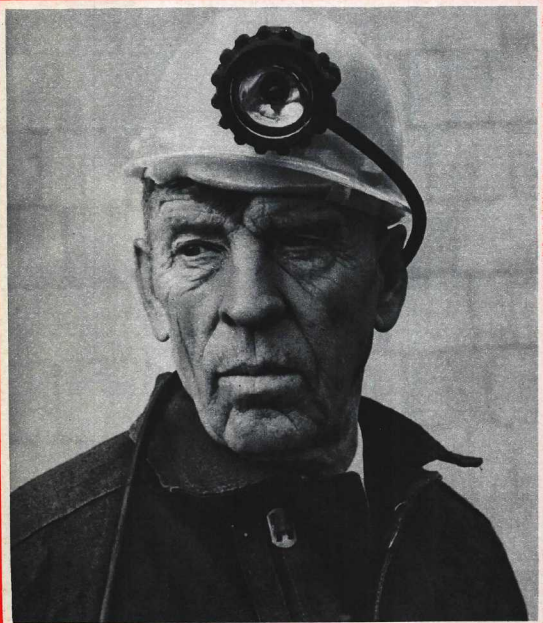
СНЕЖА

№ 6 МАРТ 1973

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА», МОСКВА

ПОЭЗИЯ
И ПРОЗА
ГОРНОЛЫЖНОГО
СПОРТА

РЕКОРД

СТАХАНОВ... СТАХАНОВЕЦ... СТАХАНОВСКОЕ ДВИЖЕНИЕ...

ЭТИ СЛОВА ДЛЯ МИЛЛИОНОВ СОВЕТСКИХ ЛЮДЕЙ СТАЛИ СИМВОЛОМ МУЖЕСТВА, ДОБЛЕСТИ, ГЕРОЙСТВА.

ПОДВИГ АЛЕНСЕЯ СТАХАНОВА — ПРИМЕР МОЛОДЫМ РАБОЧИМ,

ВКЛЮЧИВШИМСЯ В СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЕ СОРЕВНОВАНИЕ РЕШАЮЩЕГО ГОДА ПЯТИЛЕТКИ.

етров стоял у стола, застеленного кумачом, и читал постановление. Бумажку он держал вправо, далеко отставил ее от себя на вытянутой руке. Константин Петров, которого на шахте звали

Костенькой, страдал дальновзоркостью, а очки среди шахтеров носить считались.

— Считать, что Стаханов Алексей Григорьевич в ночь с тридцатого на тридцать первое августа за свои рабочие шесть часов установил рекорд производительности собственного молотка, две сто две тонны угля — чего Петров ровно, не повышая голоса, как будто такие дела происходили не на шахте «Центральная-Ирминь» — каждый день. — Пятому шахтарткомом отмечено огромную заслугу товарища Стаханова в его рекорде и считает, что своего рекорда он добился только благодаря тому, что овладел техникой дела, сумел оседлать технику и извлечь из нее все полезное.

Было ослепительное августовское утро. Последний день лета одял тысячу девятьсот тридцать пятого года. Все три смены были в этот ранний час в нарядной шахты.

— «К третьему сентября предоставить товарищу Стаханову квартиру из числа квартир для технического персонала, установить телефон, прикрепить в личное пользование лошади, — читал Петров, и по нарядной покатился гул. — Просить рудоуправляющего товарища Фесенко разрешить заведующему шахтой за счет шахты оборудовать товарищу Стаханову квартиру всем необходимым и мягкой мебелью...»

Стаханов стоял, прямо и пристально глядя на Петрова, Дюканова, Машурова, Агеева, на своих напарников-крепильщиков — Щиголева и Калинина, сидевших за столом. Как будто не о нем разговор в этой бумаге, которую рано-рано утром после бессонной ночи, проведенной в лаге со Стахановым, сочинили Петров и члены парткома. Как они спорили друг с другом! Как каждый доказывал свое, требовал, просил, убеждал, чтобы включили именно его слова, его мысли, его идеи! Петров слушал всех внимательно и, когда казалось, что и совершенно не принял, предлагал свою мысль, и, странное дело, все соглашались: «Да, верно... Как это мы не образумили...» Только Дюканов до конца пул свое. «Оседлал технику» — это придумал Дюканов. В гражданскую он был кавалеристом, знал коней и, когда хотел позавлать человека, говорил: «Как конь...» Еще Дюканов требовал включить в постановление — и обязательно отдельным пунктом — свою мысль «про угол опережения жизни».

— Объясню как есть: что такое человек! Какая у него главная жилка? Угол опережения! Сегодня дал пять тонн. Завтра — сто! Понятно говоришь? Нет! Ну, как еще сказать... Если может дать больше, чем, положим, вчера, значит, есть у него этот угол опережения. Вот как Левша Стаханов. Не может — не человек.

Машуров Николай Игнатьевич, начальник участка «Никанор — Восток», где работали и Стаханов и Дюканов, крикнул жидкий ус.

— Ну и загубил ты, Мирон... Как есть загубишь... При чем тут твой угол! Тут мировой, понимаешь, мировой рекорд.

Мысль Дюканова про угол опережения выбросила единодушно как непонятную и отвлекающую от главной задачи дня — рекорда Стаханова, который должен стать не рекордом, а обычным делом каждого на шахте. Именно на это качал Петров. Нежимал мягко, но получало само собой: так и надо. И никак иначе.

Записали: «Партийный комитет уверен, что за товарищем Стахановым

появятся новые герои, которые нашей организации будут встречены с радостью и гордостью, как люди, решившие делом, своим честным трудом выполнять указания партии о полном использовании техники.

Тридцать первых августа одна тысяча девятьсот тридцать пятого года. Промывать только: мировой рекорд. И дал его Лешка Забойчик. В одной лаве работал. Одним светом делал, только газа лампочка.

— Даша решила...
— Стаханов, рассказки, как было...

— Как было? Как рассказати, что началось это в августовский вечер, когда Стаханов сделал своего сарай, щепал лампу для самовара и делал вид, что не заметил ни Петрова, ни Маширова, которые медвечие шли по двору. Момент, вовсе не и не нему? Моему и Дикому? Петров и Маширов подошли и Алексею. Молча сели рядом на лавку.

— Ми и тебе, — сказал Маширов. — Не здороваясь в шахте утром вылезли. Повесить пришли.
— Стаханов подниму биту голову.
Я вынул, вынул, вынул...
— Коли но мне — айдя в шахту, шагнул за порог.

— Леша, — спросил Маширов, жевая в горныи — а я в чем виноват? выйрши ты в лошадиное счастье или тат?

— Ты о чем?
— О здоровье.
— Ах... Тут история целая. Три года за харчи на эту лавочку работал.

Петров взглянул горныи. В середине стоял грубо сработанная, длинная, выдана, полнотонной сосновой ступи. Табуретки и смяты были под ступию. В углу за стеной занавешенная в мелкий цветак тумбочка стоять, с красными оцветками с наливочка стегия. На кровати сидел молодой, с красивым лицом женщина. Узнавала ребенка.

— Здравствуй, — сказал Маширов, подходе женщины. — Ми и тебе как пожить зашли, Спроверши? Или все сержаше на меня?

— Здравствуй вам, Николай Иванович. Как не сержаше. Бежи из двора, а поны там и не перестали. Где же истист Обещания моего. Или как Моном перемудрил?

— Самовар ставь, — сказал Стаханов. — Потом разберемся.

Женщина положила ребенка в завбуи, историл стояла рядом с ирокотуи, вытерла табуретку, угасила сначала Маширова, потом Петрова и, щипая маленькими босыми ногтями по щечкам полноватых щек, пошла на литьею ирукотуи — пристройкой рядом с домом. Стаханов сидел за столом, положив большие руки на колени.

— Доси спорю будет, — сказала Петров. — Сегодня и с завбуиной шахтой говориль — нуду два вагона. Успеем и мне с ревантом.

Алексей будто не слышал, Смотрел в окно, где близко о стеною платил, заблудившаяся плочка. Встал, открыл окно.

— Так нам, Алексей, насчет сжаль-то лошадиного? — снова спросил Маширов.

— Не лошадиное — чыгское, — поправил Стаханов. — Я же в орловской диврине родился. Орловская волость, Ливневского уезда, деревня Луговья. Но и вы у нас — чедь. Я лавашное был, видел, как наши помещики выгезали. Пошлись формиды, Тройка орловских рысилов. На пути не стои — знават. Заплатила девочка, Стаханов наклонил над колыбелью, встал девочку на руки...

— Отцу умер в двадцать вторым... Летом. Осенью — мать. Пошел в батраки. Коня нашего, еще при отце деду было. денничиком поконфисковали. Отец не давал. Набить чуть не до смерти. Я было тоже намыл. Сапогом, как женщина, отшвырнули...

— Стаханов досел безвременно инокробу. Ополонуи шахты инвиктовом. Наспелав заварили...
— Я вот что заметил, — неожиданно дал сказал Стаханов. — Чая заварили без ступию, а вот поучаюте...
— А на работе? Сегодня как рубил — два ступию, а сегодня — три ступию...
— Петров знал, что так помещик собой зюму шахтеры шахты, историл не выключил лпан. Слово было границе неоробит, лигнине... И когда он слышал его, было его самого пришлою оскорбяли.

— Что и ты там, — О своей-то шахте — сказала Стаханов. — Ты удивляешься. Петров, хоть, может быть, именью сегодня и не стоило об этом говорить.

— Стаханов хмыкнул:
— Не правда, что ли?
— Правда, да не вся, — сказала Маширов. — Иринтовать все прытки. Ты приключи на и прощася выйдти...
— Вот в чем вопрос... Давай лучше о подкове...

— Мужик, у которого и батрачил, — говорил, — не премог волювершения, накто сразу потерял здоровье. Давай, — сказал, — суди мне ноия уступить, ноия я работаю хорошо буду. Я и лез из конюи. Ты гова отпусти, а минуте мне на память подкову от того конюи гнедюи, историл должен был мению бытть... Что-то помянть всегда...

Петров мельком взглянул на часы: без четверти десять. Разговор не конился. Выручила жена.

— Слыши, Алексей, — сказала она. — Гришино, говорит, биты семидесят тонн дал. Я вчера женоу его выдела. Туфли на ней на мабукаш. Платые ирещиюнов...

— Брось ты, — махнул рукой Стаханов. — Давало тебе ирещиюнов платые. Не успел из шахты подняться — сразу поже платые...

Петров знал Гришину — знаменитого забойщика с соседней шахты. Он специально смотрел, биты четверть. Плате смеи с ним простоял. Хитро брал уголь Гришин. Если уголь, струбил щип. Гришин делал забороу. Пробивала сначала щель сверху и снизу, а дышке угли выпихивало, как бы вдувало, и бить его было легко...

— И жемому Плате бы Гришину сама походо. Работал здорово, что и говорит. Иран Ленина недавно ему дали... Петров нажал две слова иворился с соседней шахтой и отправил за забой и Гришину Виконюа Микрона, чтобы все лучше тот у Гришину на перемена. Вчера Дикомов вернулся. Говорит: «То тонн все равно дати не смогу. Семьдесят, пожалуй, вытнуи. Тут другого человека надо. Чтобы сразу мировой развалить. Тогда тонн будеи...

Петров не стал уговаривать Мирона. Знал от шахтного врача: отмирился у Мирона, опоса стеньги ранит, историл он принес с гражданскими. Ноги не оии, сари бы дело с Миронем. Не один вечер вместе спали, обмозговывали, что и чему да как переирири реиор Гришину. Все поговорили. Телера останована: найти человека. Врое лези. Сестры инокробуи, а у украинки есть. И середичина. Лодыри как просто безразличны и себе и шахте родит. Нет, не просто человека на реиор напйти. Не переирири на шахте. Во-вторых, чтобы дело свое знал и политически, понимал, что к чему.

Петров знал, что тут дело тонное — нельзя его звалить. Если ии пошлани на реиор — иров из носу, а сарай, Я, чомое того шахте, надя ирещиюнов взять по разбе: чтобы наидому исно стало: лозо от смог: стеною угля возить — я не сумею...

— Я не сумею, — взорвался Стаханов, слово иисли прочитал гарторюа. — Мие Дикомов понамыл, как Гришину работает. Ничего хитрого нет. В другом деле, чтобы два человека работат. Чтобы возули был, лес был, чтобы колотом был заласочу...

— Так в чем же дело? — сказал Маширов. — Я ее подготовлю. Поидешь, Мирон, на реиор?

— Поиде, если всю лау мне проурбать дадите. Чего мне на уступе ирукоты? И чты ирещиюн за инокробу. А если опозорится? — спросила жена. — Что люди скажут?

Стаханов молчал, чертил что-то темными твердыми ногтями на хонстине. Пошора на уиру. — Не бой, — сказала он наконец. — Если не по уму сделаю, как мы с Дикомовым решили. Скажила да стои. Я от уие домюи вернулюсь из клуба...

Все было решено и те теплые августовские вечера. Все расписано. Как по нотам расписано. А пришли в лаву — сначала руиу ополуисли. Всю лау проехали до самого вара — нет крепящего леса. Что делать?

Стаханов быстро, почти бегом, пошел к штрону. Он вспомнил, что на динк видел у завала крепящий лес. Была авария и его не успели забрать. Он так и остался лежать у завала. Бревна на месте. Одно к одному: сухие, завинные...

— Э-э-эй! — крикнул Стаханов. — Есть лес! На-це-е-е-е-е!

— Нет, никому он так не радовался, как этому лесу. Надо же... А если бы не вспомнил? Что тогда? Лодуи же учидеть в шахте... Дома не покажу. Пошора на уиру... А Дикомов?

— Он на мигновение — услышал его, нем в тот первый раз, когда Дикомов, который переехал в барак, где жил Алексей, стоял на крыше подковои ночью и смотрел в звездное небо.

Парламентарий всех стран, соединитесь!

смена

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ И ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ ЦЕНТРАЛЬНОГО КОМИТЕТА ВЛКСМ

Основан в январе 1924 года. Выходит два раза в месяц.

№ 6 [1100]
МАРТ
1973

НАША ОБЛОЖКА:
НА ТРАССЕ САДОВОДА.

ФОТО
ВАДИМА ГИПЕРРЕЙТЕРА

РЕПОРТАЖ «СПЕШНОЕ В ПУТЬ» ЧИТАТЕЛИ НА СТРАНИЦАХ 36-39.

1

«Дыхание молодости слышит мир» — ДОПОЛНЕНИЕ К УРОКУ ИСТОРИИ.

12

РАССКАЗ О НАРОДНОМ КОЛЛЕКТИВЕ — АНСАМБЛЕ НАРОДНОГО ТАНЦА ДВОРЦА КУЛЬТУРЫ ЗАВОДА ИМЕНИ И. А. ЛИХЧЕВА.

20

ГАЛЕРЕЯ ШЕДЕВРОВ. ПЕТР I

28

НАРОДА ВЕРНЫЕ СЫНЫ. К 25-ЛЕТИЮ ДОГОВОРА О ДРУЖБЕ, СОТРУДНИЧЕСТВЕ И ВЗАИМНОЙ ПОМОЩИ С НАРОДНОЮ РЕСПУБЛИКОЮ БОЛГАРИИ.

В СЛЕДУЮЩЕМ НОМЕРЕ:

КОМСОМОЛЬСКИЙ ХАРАКТЕР, НЕОБХОДИМЫЙ ЧЕЛОВЕК.

«ПЯТИЛЕТКЕ — УДАРНЫЙ ТРУД, МАСТЕРСТВО И ПОИСК МОЛОДЫХ!» БЕСЕДА С ДИРЕКТОРОМ ДНЕПРОПЕТРОВСКОГО АГРЕГАТНОГО ЗАВОДА Н. А. ВАХРУШЕВИМ

МОЛОДЕЦ АЗЕРБАЙДЖАНСКИЕ ХУДОЖНИКИ — ВСЕСОЮЗНОМУ ФЕСТИВАЛЮ МОЛОДЕЖИ

Главный редактор А. Д. ГОЛУБЕВ

РЕДАКТОРЛЮГИЯ: В. С. Абрикин, Г. П. Епископов, В. А. Купцов, А. А. Лисинов (ответственный секретарь), В. В. Лукин (главный редактор), В. Г. Победоносцев, Р. И. Рождаевский, Е. И. Рябинов, Г. В. Семенин, С. С. Смичков, А. В. Стуков (главный художник), Ю. В. Томашевский, В. В. Томашевский

Художник Г. С. Терзибашьянц

Технический редактор Н. И. Будкина

Михаил БЕЛЯЕВ

Мы жждем тайны мира превозмочь,
Пройти по всем излучинам природы,
И волшебства ее увидеть своды,
И даже воду в ступе истоловить.
Чтоб целый мир привычным стал, ручным,
Явил свои спирали нам и кольца,
Чтоб женщина, что у плеча смеется,
Могла б играть, как украшением, им.

И где пределы страсти: смель и смель!
И мы не замечаем за делами:
Нак разглядев притворливо с годами,
Все больше женщины с тайнами меж нами,
Которых мы не в силах разглядеть.

ПОДСНЕЖНИКИ

Посидел с подснежниками рядом,
Словно с детством я поговорил.
В голубом цветении прохладном
Воздух с запахом лета был.

В прелых листьях голубые блики
Трепетно, чарующе новы.
Словно это голубые льдины
Поднялись, дотаять средь-лестам.

КУПАЛЬЩИЦА

Утомилась от загара,
По траве густой пошла,
Под склоненной ивой старой
В белой речке поплывала.

Опускала в воду плечи
Так, что сморщилась вся
Вдрызг с тобою стало легко,
Откровенно веселее.

И по-девчачьи лукавы,
В илочевой воде речной
Перевернутые травы
Обретали профиль твой.

Ты играла и дичала,
Воду мило взбрызгивала,
И сквозя воду пропускала
Для меня у старых ив.

Ты не зря ласкалась к зною,
Высока и мелодична —
Стала сине-золотую
Длинноволную водою.

Дюмида КОСТЮРИН

ПОГОДА

Это не ветер тревожных отчаянных
Странствий,
Это зовет меня старая, добрая осень.
Осень зовет.

Вызову на широкое пространство
Ним, площадей, буераков,
стремительных сосен.

Что же!
Дожди да дожди затяжные,
как стропы,
Землю связали с распузшим,
стенкающим небом.

Я опускаюсь к реке по холмистым
сплозающим тропам.
Здесь я бывал, только можно сказать,
что и не был.

Теплые воды, золь от сжигавшихся
листьев,
Глинистый склон и огни далекие
передели.

Осень зовет и зовет горячо,
бескрасотнью,
Старая, добрая осень последней
предзимней недели.

Снова иду,
Прохожу мимо прежнего дома,
Вьюку, как светятся она

и забавляется мраке,
Как неживое сползанию ползет
по зимнему —
Капля дождя по уснувшей в овраге
собака.

ДОРОГА

Сначала я шел болотом,
Неверной, шаткой тропкою.
Мешались крупинки пота
С пилюющей водою.

Потом по тайге дремучей
Протоптанной кем-то бровкой,
Друстовскую на всякий случай
Держал я наизготовку.

От жажды ломило небо,
От голода пухло тело.
Но равной и жесткой робе
Платью у плеча алено.

Три жюки как-нибудь прожил,
Людских голосов не слышал...
Нет... Трудно мне было позже,
Под теплой железной крышей.

Ночь, как ночь, —
Голубая и синяя —
Прикрывает собой
Листопад.
Соловьиная...
Нет,
Журавлиная,
Слышавшая,
Крылья над нами
Шуршат.

До утра
Длится это двуколене,
И сквозя уютно
До ночи опять
Белым птицам
Талыми
И теньями
Над остывшей землей
Пролетать.

Крылья машут
И машут без усталки,
Без посадок
Вперед
И вперед...
Я не вижу сейчас их,
Но чудственно
Невозможным,
Как плывет,
Перелет.

И шагаю
Сквозь лунные просеки,
По шуршащей листве
Наугад...
Словно в этой
Отчаянной осени
Не природа,
А я
Вываю.

ДОПОЛНЕНИЕ К УРОКУ ИСТОРИИ

ЭТОТ РАССКАЗ ОНИ ЗАПОМНЯТ НА ВСЮ ЖИЗНЬ (сериал — МАРЕН КОБСТАЙНОВИЧ ГОРЕВЦЬ, БЫВШАЯ УЧИЦА КОМПЛЕКТА «ШТУТГРОФ»).

ДЫХАНИЕ МОЛОДОСТИ СЛЫШИТ МИР...

Борис ДАНОШЕВСКИЙ,
Сергей ПЕТРУХИН [фото]

К этому дню в школе готовился давно. По разным городам страны разослали старшеклассники приглашения. Билеты — члены клуба имени немецкого интрифаниста — Иона Шеера школы № 234 приглашают Вас на торжественное открытие музея антифашизма. И вот, отложив срочные и несрочные дела, сидят в торжественно украшенном актовом зале школы бывшие узники центрального лагеря-концентрации Эванд Карлович Малас и Александр Иоханнесович Эк, консультант мемориального комплекса «Саласпилс», испытанный во время войны все ужасы этого лагеря Станислав Анатольевич Розанов из Риги, латышский писатель, бывший узник Бухенвальда и других лагерей Аугуст Бироз, финская участница немецкого подполья Надежда Тимофеевна Цветкова, прошедшая через страшные концлагеря на территории Прибалтики. Были узники наурского гетто Дмитрий Борисович Гальперин, написавший книгу о днях, проведенных в его застенках. В школу пришли и москвичи, бывшие узники лагерей Сикотэ Иманович Митрофанов, томившийся в застенках Матухаузена вместе с легендарным генералом Д. Карбышным, и советским разведчиком П. Малежичем, преподавателем Университета дружбы народов имени Патриса Лумумбы Василий Михайлович Акимов. Брошенные гитлеровцами в лагерь за связь с партизанами, другие почетные гости — фронтовики, партизаны, подпольщики.

Начинается митинг. В тревожную мелодию врывается дробь барабана. Сидящие в зале вслушиваются в глухие, ритмичные удары. Всплывают в мрачные тона фашистов, кричащих о своем панахе порабощения мира.

Мелькают эпизоды прошлого. Ведут на казнь Зою Космодемьянскую, девочку по имени Анна Франк рассказывает о том, как фашисты убили ее бабушку, Олег Кошевой произносит свою клятву, и рядом с ним встают его друзья — подпольщики-молодоговардцы. Непокоренный узник концлагеря, поднявший высоко над головами смятых кулак, читает «Реквием» Рождественского...

После митинга всех приглашают вниз, на первый этаж, где находится музей. Разрезали, как полагают, первую пленочку. Голосом прочли, она сейчас тоже хранится как экспонат, и Лена Стяжкина, комсомольский директор музея, начала первую экскурсию. Вернув Лена стала людям, о чьей борьбе рассказывает музей, внимательно слушали девушку и всматривались в до боли известные им фотографии и документы. Кадрам из них испытывал все те ужасы фашизма, о которых говорила Лена, и мог

бы рассказать ребятам неизмеримо больше того, что они знают о войне. Но они стояли, и слушали, и думали о том, что, если когда-нибудь этим ребятам придется пройти через тяжкие испытания, они будут бороться так же, как их отцы.

ВСЕ НАЧАЛОСЬ, как рассказывают ребята, с обыкновенного факультатива по истории. Будет его Элеонора Юрьевна Барель. Нисколько лет назад она решила раздвинуть рамки школьной программы и организовала исторический кружок, первое занятие которого было посвящено древнерусскому искусству.

— Мы побывали во всех картинных галереях и музеях, ребята увидели многие сокровища культуры, — рассказывает Элеонора Юрьевна. — Но меня и старшеклассников не покидало ощущение, что все это где-то в стороне от живых вопросов и проблем современности.

О многом говорит человеку картины Андрея Рублева и архитектурные творения безвестных русских умельцев XIV—XV веков, но еще больше может сказать ему памятник времен Великой Отечественной войны, памятник неумирающему духу советских людей, томившихся и погибавших в застенках фашистских палачей.

пули, — рассказывает Саша, — привезли в музей ребята 5—7-х классов, отдыхавшие летом в спортивно-трудовом лагере «Фортуна» в Рузе, под Москвой.

— Мы никого специально не приглашали, ребята приходили сами, потому что здесь им интересно, — добавляет Сережа. — Даже первоклассники помогали: приносили свои коллекции — марки, значки, открытки.

Я обратил внимание на скромную звездочку и вот какую историю услышал.

Однанди звездочка вместе с несколькими медалями и значками исчезла из музея. Вероятно, так бы все эти драгоценные реликвии и пропали навсегда, если бы не пошли Сережа Пономарев и Лена Ставкина на следующий день после пропажи по классам и не рассказали ребятам о звездочке, которую вместе с медалями привезли чье-то неместная руки. А рассказали они о том, как еще до прихода Гитлера к власти такую звездочку с гордостью носили на своей груди немцы коммунисты-гемляники.

После захвата власти фашистами Германская коммунистическая партия ушла в подполье. Вместе со всеми должен был скрываться и племянный антифашист Цайглер. Бережно и свято хранил он все трудные го-

ды маленькую красную звездочку, а когда кончалась война, передал ее своему сыну Хансу.

В 1970 году Ханс Цайглер приехал в Москву. На одной из встреч с советскими друзьями ему рассказали о музее «Антифашисты» в 234-й школе. На следующий день в кабинете Виктора Ивановича Зайцева, директора школы, раздался телефонный звонок. Ханс Цайглер просил принять в дар музею одну из самых дорогих для него реликвий — звездочку своего отца. Так в музей появился первый экспонат, подаренный немецкими антифашистами.

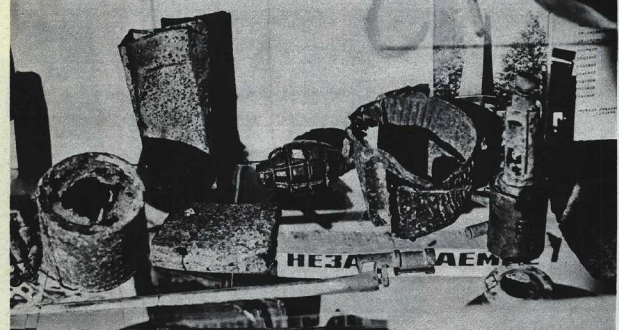
Сережа и Лена очень волновались, дошел ли их рассказ о маленькой звездочке до сознания ребят, найдется ли мужество у того, кто сам того не ведая, поднял руку на дорожку и бесценное — память о мужестве антифашиста.

На следующий же день медали, значки и звездочку принес мальчишка-восемиклассник и со слезами на глазах попросил никому не говорить о его поступке.

ВМЕСТЕ с военными реликвиями в музее бережно хранится несколько толстых альбомов с фотографиями и текстами. Это своеобразная летопись музея.

У СТЕНДОВ ШКОЛЬНОГО МУЗЕЯ «АНТИФАШИСТ».

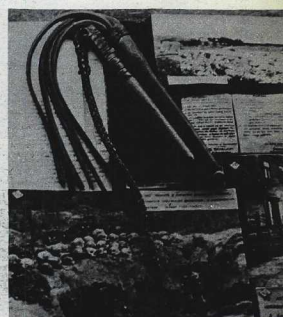
Всмотревшись в ряды фамилий на британских могилах, стоя перед вознесенными на пьедестал танками, юноши и девушки как бы читают живую историю своей Родины, почти реально представляя, как поступили бы они, случись им жить в те грозные годы.

И родилась идея создать в школе клуб, и назвать его «Антифашист», и по крупицам, по отдельным эпизодам восстановить, вспомнить, прояснить для себя и для других подвиги тех людей, на чью долю выпало одно из самых тяжелых испытаний — жизнь и борьба за колочей проволокой гитлеровских концентрационных лагерей.

МОИМИ ГИДАМИ по музею были десятиклассники Саша Давышская и Сергей Пономарев. Они в числе первых стали членами клуба «Антифашист», а потом и самыми энергичными создателями музея.

Открывали решетку из толстых черных прутьев, уступую колочей проволокой, и входили в музей.

— Вот эти солдатские каски, осколки снарядов и гранат, винтовочные

А началась она в 1969 году с поездки в Волгоград. Ребята сами зарабатывали деньги на эту поездку: разносили письма и поздравительные телеграммы, за что и получали от почты 96 рублей. Ну, конечно, и родительский комитет помог. Все, что увидели в городе-герое на Волге, услышали в беседах с жителями, все собранные письма, документы — свидетельства подвига народа легли в альбомы.

Потом были поездки в Прибалтику по местам бывших гитлеровских концлагерей, новые материалы, новые альбомы.

«Косыбелью героев назвали нашу Родину Алексей Толстой и сравнил ее с огненным горном, где плавятся просте души, становясь крепкими, как алмаз. В горниле гражданской войны получил боевое крещение Эвалд Калас, сражаясь вместе со своим отрядом против Кольчака. В 30-х годах партия направила молодого коммуниста, финна по национальности, на подпольную работу в Эстонии.

Окулировав Эстонию, фашисты бросили Эвалда Каласа в застенки центральной таллинской тюрьмы. Только несгибаемой воли человека, пламенный патриот мог вынести все ужасы гитлеровских лагерей. Эвалд Калас именно такой человек. Советская Армия освободила его из концлагеря «Штутгаф» на территории Польши.

Когда ребята в марте 1971 года приехали в Таллин, их гидом по историческим местам стал Эвалд Калас.

Он повел их на «Лесное кладбище» — во время войны на этом месте

находился один из самых крупных на территории СССР лагерей, Клооград.

«Мы шли по плохой дороге, под ногами были лужи и грязь. Может быть, по этой дороге несколько десятиков лет назад шли босые, почти раздетые, голодные заключенные лагеря Клоога. Шли, подгоняемые окриками фашистов, под лай собак, и никто из них не был уверен, что доживет до следующего дня. А ведь это очень страшная жизнь, не зная, что будет завтра».

Несколько километров прошли по этой дороге ребята. И медленно, стараясь не упустить ни одной детали, рассказывал Калас о тех страшных днях.

В СОВРЕМЕННЫХ словарях русского языка о словах «ветеран» написано: «То, что является особенно дорогим, любовно хранимым и чтимым. Увиденное во время похода по местам бывших концлагерей не уйдет от ребят бесследно. Минуты молчания, проведенные у памятников жертвам войны, останутся с ними навсегда.

Впечатления детства и юности — самые ярые. И тот, кто чужое человеческое горе воспринимает как свое, никогда не пройдет мимо несправедливости и зла.

ИЗ ДНЕВНИКОВЫХ записей, сделанных после поездки в Литовскую ССР:

«20 июля 1971 года. Мы едем в Пирионис. Об этом месте знает весь

мир. По дороге в автобусе познакомились с колхозником Шлономас Иозасом. Ему сейчас 73 года. Он рассказал о том, как 3 июня 1941 года фашисты окружили деревню Пирионис, женщин и детей согнали в один большой дом, а мужчин расстреляли. Дом подожгли, и он горел трие суток.

В деревне было 119 человек, а после той трагедии не осталось никого. Среди убитых было 49 детей».

«21 июля. «В этом месте похоронены 35 тысяч человек, повешен от рук фашистских палачей». Этим словами встречает нас кладбище у стен 6-го форта в Каунасе. И сразу становится тяжело. Медленно идем рядами брагских могил, на них цветы. Они как бы говорят о бессмертии погибших, о том, что о них вечно будут помнить благодушные потоки.

Самая история преподавала здесь школьникам свой урок.

На гранитных плитах читали: «Здесь похоронены...», и цифры, цифры. Имя, фамилия нет: никакая, самая длинная стена не вместила бы всех имен жертв фашизму... 2 тысячи, 35 тысяч... Сотни тысяч. Миллионы...»

Идут школьники мимо кладбищ, казематов, лагерных барakov. Идут ребята, вспоминают, размышляют, сопоставляют. А развал плавится Сонги — это не повторение Пирчоллис! Ведь американский военный суд подтвердил: ад, 16 марта 1968 года в одной из деревень южновосточной общины Сонги завод лейтенанта Коули, входивший в состав роты «Чарли», убил не меньше ста, а может быть, до четырехсот мирных жителей,

безоружных, не оказавших сопротивления... А разне нынешние лагеря смерти в Южной Африке не напоминают, не повторяют жутких лагерей смерти военного времени!..

ЮНОСТЬ обличает империализм!

Ничто так не убеждает, как документы. Факты опровергают, и факты доказывают. На одном из стендов в музее «Антифашист», отведенном для документов, обвиняющих империализм в преступлении против человечества, висят фотографии. Английские оккупанты объясняют борцов за гражданские права Ольстера... Южноафриканские полициейские с очарками против африканской демонстрации африканцев, выступавших за свои законные права... К этим фотографии можно было бы добавлять бесчисленное множество других, на которых империализм предстает в разных своих обличьях:— геноцид, осуществляемый израильскими оккупантами на завоеванных ими арабских территориях, расправа американских расистов над британскими жителями города Батон Руж, фашистские порядки «черных полковников» в Гвинеи, необъявленная колониальная война Португалии против народов Анголы, Мозамбика, Гвинеи (Бисау)... Ребята из клуба «Антифашист» собирают все эти документы, потому что в свои 16—17 лет они уже по-взрослому прониклись чувством гражданской заинтересованности, ответственности не только за свою судьбу, но и за судьбу всех сверстников, живущих на нашей планете.

аждай вечер мы собиравлись у Вадима Сергеевича. Куда еще было податься нам, трем капитанам, оказавшимся пассажирами на малом суденышке в беспротестном догоне плавания?

Мы вальсали в постоем чте до обода. Гуляли по палубе. Во-круг расстилался мурмый осенний океан. До чего же он тосклив, оказывается. Когда занят работой, этого не замечаешь.

Потугая и продугую от прозвоняющего свежакя, мы торчали по восточной стороне причау, ругаясь, а над нами, уследя голоса родных кораблей. Но они были еще далеко, их голоса не долетали сюда...

Ровно в двадцать два ноль-ноль мы ставились в ялоту капитана. К этому времени у него заканчивались дневные дела.

К нашему причау бугфичте успевала навстречу на стол. И мы неторопливо — куда спешить? — закусыками и чайными приборами, пугасуки в воспоминания — удел всех отпугнутой от настоящей, паломниковой жизни. На промисле порой так удаккаиваешься, что не чаешь до койки добровольно, не то что время вынуждено возвращать прощом.

Мы раскинулись у Вадима Сергеевича галубко за паломом. И он, как мого, старался помочь нам пережить утупающее плавание. И ему это удавалось, потому что он умея подыать дух.

Вадим Сергеевич поводиал на своем вкуе многого. Успела закатить войну, не раз хаживая в Америку за приворотом, недоканчивая и прочими грузами, в каторгах так нуждалась страна. Это были легендарные рейсы через океан, где на пустынных дорогах мордому подстерегали японские морские охотники и немецкие паломодки. Вадиму Сергеевичу было тогда чуть больше двадцати.

Понитую, как относимся мы, молодые капитаны, к старшему собранию. К этому примешивалось и то, что он командовал не каким-нибудь там обычным рыбачьим или транспортным судном, а спассетелем. В глазах мордому спассетель — вроде доктора. Когда прижмет, только на него, на дока, уповашье. Только он один из всех людей, окружающих тебя, смеет помочь тебе не только физически...

Плавание предстояло долгое, больше месисей. А тут еще только вышли из порта, пришлось свернуть с курса и двигаться не на восток, а строго на север. В Андалыскм заливе трауер-бедаола намочала на восток собственный траул, наекая, как сонной на тесто, и никак не выплывастеся юже, и несало его. мещало и верпо на чужеземную землю. Водолузу было на два часа работы, а спассетель «Звесе» потерял на переходе в Андалыскм заливе и обратно целых шесть стукот. Шесть стукот, и это тогда, когда наши доки ринались на родные корабель, промишлявшие рабу-дегу возле Бланкой Америки.

Паломные капитаны забросали нас телеграммами. Им пора было отправляться в порт, да и нам, по времени, давно уже надлежало быть на своем месте. Отпуск кончился. Отгулы, положенные мордому за воскресные дни, проделанные в рейсе, тоже иссякли. Но другой океани, кроме «Звесе», в те далекие края «Звесе» никак не предвиделось.

Спассетель «Звесе» немца приличный кола. Но как взглянешь на карту, на это негодное пространство Тихого океана, так опускаются руки. Самый быстроеходный корабль движется черепокой по океанским дорогам, насчитывающих тысячи миль.

В рейсе шала обнечная морская жизнь. Помпонт готовила к саломному нуажу художественную самодельность. И хотя до праздника было еще две недели и навверика мы еще увидим концерт на «Звесе», его решили обкатать, пользуясь присутствием настоящих зрителей — пассажиров. В этом была вина родка Вадима Сергеевича.

Концерт удался. Особенно поворачивалась певична, она же бугфичте Тоня, боеукоре круткое солоние. Тоня пела морские песни. Морские — значит о расставании и о любви. Песню о том, что мы без герца не можем, мы умираве от любви, заставили Тоню исполнить трижды подряд. И после, когда мы собиравлись у Вадима Сергеевича и Тоня, все еще в паломном платье, но уже в крохотном белом корабелье, выскочила вприпрыжку. Короче, кто знает, что такое выражала ей свой восторг, а она одаривала нас смущенной улыбочкой.

Тоня ушла. Вадим Сергеевич серанто трагичнуо садым чубриком.

— Чугу, от любви не умирают.

— Ну не скажешь, — возразил я. — Это вам теперь так кажется. А если припомнить себя молодым...

— Нет, — заупреждал Вадим Сергеевич — Любовь, конечно, есть, а умирать от нее не умирают. И если в ней, настоящей, случается крушение, то оно понастоящему страшное. И о нем не плют и вообще стараться не говорить... Если хочешь знать, мне довелось быть нечаянным свидетелем такой любви.

Ск. Вадим Сергеевич рассказывал, выскочила вприпрыжку, истинный каку-то салуюкую, ада салынную музую, подполка к чернышнему ялауминатору и устанавливала в ячю.

— Нескольке лет назад у меня стало вдруг пошаливать здоровье... начал он. — Это всегда наступал ярут. Врачи нашли очиги в легких. И дальние их уже устанавливали в сердце. За сутки дежурия по докам распустила. В управлении больше сотни судан. И каждая куда-нибудь торпотила. А ты ежечасно был в курсе дела: кто подполка к причалу, кто отполка, кто идет в море с трапом, кто шарваруется к палубе и выгружает грузы. А тут еще успевай натиск рыбачьих жен отражать по телефону. Им позорез надо знать, где Мина или Вася, такую-то корабель, когда и друг с другим, домой собирается прийти.

Словом, через несколько дежурия я закатила скандала галраву. Но разве прошибешь его? Пришлось смиряться и тянуть неважистую ялку.

В тот вечер, о котором пойдет речь, дежурия ожидалась на редкость легкая. Над городом шло пичако. Все торпотило по домам работало. Ветер задежную листву носил в воздухе. На театре уюта железной крыши завернуло. И дождик как из ведра. Все вокруг мурмье, погоду на чем свет стоит ругают, только я один, как идиот, довольнехонек: дежуриую спокойной выпало.

Владимир ВОРОБЬЕВ

РАССКАЗ

Рисунок Валерия КАРАСЕВА

Известно, в пичако выход в море и приход в порт запрещены. Словом, награда мне вышла за мой страдания.

Мой напарник, тоже списанный на неопределенное время на берег, по случаю диспетчерского праздника прозвонил инициативу.

— Завесь, Сергеев, не посылать ни нам тоню...

— Сами как в детской сигналке, требуешь вторая строчка: «За бутылочкой вина».

Напарник скромно поугасил, поправила щеточку рыжих усов, пригладил седые виски.

Я вконец взглянула на него.

— А потом на боковую, Андрей Палыч?

— Нет, нет, ты... сконфузибрился он и добаива обычно — Вечером ты с галубыми штукми лезешь...

Андрей Палыч проинформировал на почве крепкого сна и потому вскоше уповашье о себе воспринимала как выпад против него. Чего герца таить, он, старший морской воле, любя постыла. На его палубе, конечно, знам об этом, закрывався в каюте не закрывався. Но больше экипажа не шло. А однажды плавбудо дога держали на рейде, не было места у причала. Андрей Палыч заперся, сказав заветное штурману, что прилетел отаждити.

Место у причала освободилось. Надо подходить. А к капитану не могут достучаться. Когда машина работает, стучи не стучи — не слышит. С берега интересуются, почему не подходит плавбуза. Старпом волосы врет на себе. А подходить ничего не может, без приказа капитана швартоваться нельзя. Ну, когда начальные управления узнали об этом, он на другой же день заступил Андрей Палыча в диспетчера и срок не укачал.

Ценную инициативу я, стало быть, не поддержал, и Андрей Палыч (не прождать же вечеру!) отправился в одиночку поужинать. Благо ресторан «Прибой» радом.

— Поужинать. И только! — многозначительно поднял он плече.

— Обижаете, Андрей Палыч? Что ж я не знаю, что вы теперь вывесили флаги трезвости?

Он обаянно дернул усами и ушел. Ушел он кстатм. Мне хотелось лопнуть одоную. Чумовую горюю необходимо односторонне. Это как перед концом очередного рейса. Запрещается в ялоту, что никто не мещало, и подбавешье бабки — пока не для отчета, а для комиссии, а для себя.

«Звесе» в рейсе. А я застрял на берегу. И кажется, настало. Конечно, я и мещал не догадува, что мне больше не видеть море. Ну, в общем, положение скверное.

Если в сорок тыть оставался на берегу, пусть временно, однако все равно оставалось, то что будет дальше? Не придет ли час, когда ты же галраву извосем отпичет санитарную книжку мордому и море для меня будет заказано?

Прежде все было ясно и определено. А что будет, если поставят меня на причал? Я ведь ничего не умею делать, кроме как спасать корабли, швартоваться в любую погоду и, если надо, по ступкам не покидать мостика. А кому это нужно на берегу?

Честно говоря, в родном своем доме я на паломожении жил. Приятно, когда с твоим приходом водворятся праздник. Жена берет справку по уюду за якобы большим силном, тот, в свое очередь, перестает верять штаны по заборам, изю всех сил начинает учить уроки в и первого слова мамы кидается в магазин за продуктами, бегают за одежками в кино, мещет после обеда поужать.

Но как только начинается процесс приываения и жена вспоминает, что ей пора на работу, а в дневнике сына появляется жирная двоекка и любезная просьба к родителям наведаться в школу, я выбираю ярок и сываюсь.

В квартире вчераше до последнего гондизка ябито ружьями жены. Я гоств. Моем страше, переходя на положение настоящего члена семьи.

Вертнется «Звесе», ко мне в гости вальсует мой шивым, неукаюжым, неотесанным парни. Я боюсь увидеть их лица. Они, мужьями, и скрывать-то ничего толком не умеют. Когда «Звесе» уюлам, парни нагрянули в палату. Халаты на них как детские не вышваивали. И самый большой из них — борман Саввака Саррафимов — ярут разорвался.

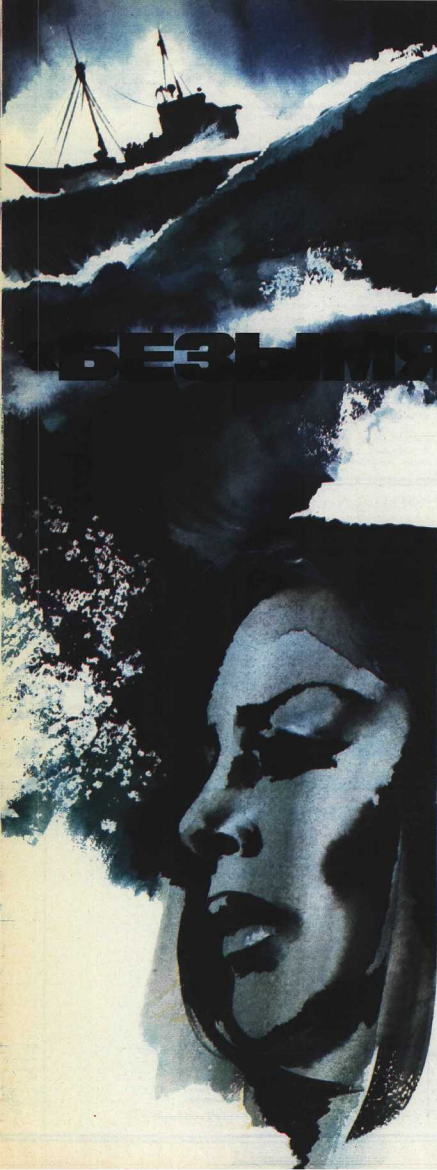
— Мне вас жаль, Вадим Сергеевич...

Я протянул ему.

— Явно вы меня отпечаете!

Шлам. Ничего мне позволяють они так называть себя. А пошло это вот откуда. Прислали на «Звесе» ярутых демобилизованных солдат. Мылся я с ними много. Пекота! Но парни добрыми. Научились понимать морское дело.

Вернулись из плавания — кинулись в город купить подходящую одежуду.

Кроме солдатской справы, ничего у ребят не было. В море не требовалось, а тут — земля, земля, земля...

День выдался жаркий. Свежу я в каюте, готовалась к балнисовой комиссии. Баргу слышу: на палубе шум, гам. Высоко. А это моряки везутся на берег. Рожки, как медные тазы на солнце, так и сияют. На парнях всеобразные наряды: черные костюмы, зеленые, сто лет назад вышедшие из моды шляпы, галстуки на парнях, как на коровах сада, и в довершение всего на длинных звинные кожаные перчатки.

— Все на нас оглаживалась, товарищ капитан, — с важным видом докладывает мне Сарафанов. — Видят, мы приехали. За иностранцев приняли. Швады, говорит, приехали. Это про нас-то...

С тех пор я вечно не звать швадами. Пробовали и другие. Но парня полагал то к чему, приезжал одного, итерого, и охотник переделывал.

Сколько у меня с ними связало... Все последние четыре года... И радости, и нерядости, и ураганы, каждый из которых мог стать последним не только для тех, кого мы спасаем, но и для нас самих.

Думно, как я без нас жить буду, чертй помосатье? Не представляю я себя без «Звезды», без швады — и тутка.

Разволновалась я, закури и открыла форточку. Вломился тугой ветер, занавески пошарыли, как шаруса.

За окном не переставал дождь. И самшалося, как жалобно металась рыбная вода тротуару, изю всех сна удерживая не успешную пожегать истну. Загря деревья будут голыми. Известно, на Камчатке листья не успевают облететь. Августовский циклон срывает ее намного раньше времени.

БЕЗЫМЯН?»

Перед пауночью я приняла сводку, в которой не было никаких отклонений. Выключила свет, прилегла на диван. Было холодно. Ветер доставал меня. И мне казалось, я в своей каюте, когда вот так же в иллюминаторе вылазила серая слякочная и вет-вет да и замотают шумные брызги покатывающей поа борт волны. От знакомого ощущения пощипывало сердце. Дома мне не позволяло открывать форточки. Берегует меня. Если бы жена моя могла понять, как не хватало глазом пустынного горизонта: в окна квартиры глядит бесчисленные окна соседнего большого дома, пожать как мне тесно и уныло.

— Ну, что, — грустно улыбулась я в темноту, мысленно обращаясь к жене. — Съела? Вот лежу на ветру. И ты меня не достанешь...

Длинный телефонный звонок сорвал меня с дивана. И только наткнувшись на стул и впадая вместо с ним на пол, я осознала, что нахожусь не на кухне и не в халатной с мостика звонит мне... Нерывнувшись, я поспешила к столу и нащарила в темноте трубку.

— Сашаю. Дежурный диспетчер Клязьминский, — ответила я по всей форме. Вздволенный женский голос спрашал:

— Скажите, когда возвратится «Безымянный»?

Если бы вдруг меня свалили за горло, это было бы меньшей неожиданностью, чем то, что я услышала.

— Повторите — сказала я севшим тоном.

И, не меняя интонации, как зауважаясь, женщина повторила:

— Скажите, когда возвратится «Безымянный»?

Что она там, плача, что ли, и решила разгнать меня? Я хотел бросить трубку. Нет. Разыграть не могла. Сашинко нехорошая вышла бы штука. А если всерьез, то что, эта женщина на Луно обитала и ничего не знает?

— Кто спрашивает? — Мне надо было вынудить время, чтоб прийти к себе.

— Помните, я жена моториста Авинова. Он должен давно прийти. И почему-то не приходит. — по-детски расстроено произнесла женщина.

И от этих слов повисло нечто потустороннее, ведь «Безымянный» утонул... Я отшатнулась на черное окно, к которому прили рабнойный листок, включила свет и увидела карту необъятного Тихого океана с жалкими, затерянными в пространстве флажками траулеров. Мне стало холодно и жутко и показалося, что женщина... не в себе...

— Ну, вот что, — постаралась принять голосу побольше уверенности и теплоты, — позвоните завтра. Часов в девять.

— Всегда так, — не зло и устало сказала Авинова. — Почему-то скрываются...

— Успокойтесь и спите...

Положив трубку, я нагнулась на стул. Руки дрожали, точно я держала в руках немощную тяжесть.

Никто никогда с палубы «Безымянного» не ступил на землю, не увидит отней своего дома. Все давно привычки, что его нет, и вот этот звонок...

В февральский прикол пять траулеров не успевал убежать во льды. Ударя мороз. Осман стал парить. Началась обломанная. Ну, четвертая створ держалась в кучке, самым малым плаа ко льда. А пятый траулер — «Безымянный» — еще до циклона откопало от них и шва милах в тридцати позоди основной группы.

«Звезда» как раз в том районе нос службу. И, естественно, сразу же вышла навстречу. Четверка держалась хорондо, была уже на подходе ко льдам. И поэтому «Звезда», не останавливаясь, прошла мимо нее.

С «Безымянным» держала связь и дежурное судно по экспедиции и мы. Где-то часа через два должны были встретиться.

Капитан «Безымянного» сообщил, что команда борется с оледенением. Значит, все шло нормально.

Мы то и дело запрашивали обстановку. «Безымянный» отвечал. Правда, чувствовалось, что капитан порядком кис. Я как мог подбадривала его, советовала идти самым малым, чтоб не зарыбывало волной, советовала весь экипаж вынести на палубу и бороться с малом, запрещать питьевые танки заборной водой, чтоб уменьшить устойчивость, ну и принять прочие меры.

И вот когда до встречи оставалось каких-нибудь полчаса, «Безымянный» по-молчал. Молчок — и все. Как мы ни звали, ответа не было.

Ну, конечно, понималось, что «Звезда» хочет и спасать, а из того же теста сработал. И он обледенела. Мы летели что было мочи. И волны раскачивались по палубе, доставали до рубки, и вода намерзала на всем, до чего могла достучаться. Я потгвал швады оказывались. Осталась в машине бед, раидст в рубке да я на мостике со штурвалом. Остаток все шарушка.

Приним в координаты откудал в последний раз «Безымянный» подал голос. Ночь. Туманище. Искать корабль — легче иголку в стоге сена нашарить. Гу-

дим — ответа нет. На экране докатора густота. Парни палат глаза вокруг, слушаю, может, трое суток дома «Звезда» не останавливалась ни на минуту. Шломы мой возматис с ног и из меня всякими гадать стаа. Шкура у них с ладоши докусатыми слезала. А я их чуть не в шее из кают-компании вынул, когда они забегали по кружке чаю шархатыли, ну, и старался хоть еще минуту, птотк минут задержаться в тепле.

К исходу третьих суток гигант Сарфанов расписаса. Он больше всех орудовал ломом, ну, и заматоса вкопши. Я трысу его за плечо, а он, как ребеюк, мямлит:

— Сергеч, родной, зачем ты нас мучишь! Дай часок отдохнеть...
Но я знал, что в таких случаях расслабляться нельзя. Сел — и уже не вставил. Я сам вышел на плаубу, в рубке одного вахтенного матроса оставил. Глазку, выкатывая ивеклы моего Сарфанова, Он пробрался надо мной:

— Ваше место на мостике... — отвел у меня дом.

Визгу, надо что-то делать, иначе парни не выждоат. Велел радисту на па-бубу музыку врубить. Он звал «Калинку».

«Оживился мой шидом. Ломами, шербатами, ногами, зубами проклятый аса крошет — и на бегу».

Жутко, наверно, было бы со стороны взглянуть. Игит пропавший трауэр. Уже не верим, что найдем. Сами еле держимся, а тут развеселса «Калинка».

Я теперь ее слышать не могу. Топнит...

И вот, представьте, каково мне было полгода спустя услышать, что кто-то спрашивает, когда вернется «Большая волна».

Мой напарник, завывавший под утро, поканоию пристал ко мне:

— Паспи, Сергеч, На тебе лица нет...— Поица так, что я, дескать, всю ночь на вахте стоа.

Я попорсика закуриль свой-то давно кончилса, и успокоил его:

— Мотор барахлит — И дай ващир убедительности приложоа ладовк к серушу.

— А, понятнйо... — пробормотал он к, успокоенный, уснул.

Утром жена по пути на работу принесла мне завтрак и тоже заметила перемену во мне.

— Я не спала по привычке, — устало улыбунаса она! — Никак не могу привыкнуть, что ты дома...

Да. Сколько ночей провела она бес сна в такую погоду! И чуть-свет зновила в диспетчерскую и, обмирая, спрашиваа о «Звезде», а еще раньше — о Дру-

гих судах, на которых я плаваа. Теперь ей покойно. И она асает надежду, что и я выжду уже не поаду. Мне горе, ей радость. Но я не сердился на нее. Я ее прелюбля поминаа.

В темном коридоре перед выходом я поцеловаа ее, прижался лицом к ее щеке, горничй, нахлестанной ветром с лоджем. Как она, такая слаббй, выдерживаа мою ожиданья вот уже двадцать лет!

Жена отстранялась и прудило-грозно свела брови.

— Домашний, что случилося...

— Она знала мене лучше, чем я сам себе. Много раз я поражалса, как это удается ей распознавать мое состояние и мои мысли, и, если случалося, что я задерживалса где-то, она безошибочно знааа, где я пропадала, точно все время неотступно наблюдаа за мной.

— Да и ничто. Что же в такое доверие могло произойти? Спал, как сурок.

— Не ври! — просто сказаа она! — ЧП!

— Да нет же, говорю тебе... — Разве мог я расклатить ей о злоюке. И она поняла, сделала вид, что поверила. Коснувшись губами моей небортой щеки, она застучала кабукачи по паркету. А у меня как-то странно склоса сердце, как будто она умолаа наиседа, маленькая женщина, которой я, в судоро-сти, изломаа жезл. Встретись ей не мужик, а земной человек, как прехорошо было бы ей гадать на мир, каждый день ветра смете в сборе и не зная этих тягостных ночей, в которых под вой воды расстел и расстел тревога...

Я гадало, выйдя на крыльцо под навес, как она стоаа, зештривавшая дождям, и выталааа автобус. И когда он, взрыв олуго, подошел, она отла-нулася, увидела меня и заплакала горюкой.

Есл бы автобус не отовела, я бы, кажется, не удержалса и кинулса к ней и не пустил бы ее ни на какую работу. Мне хотелось бы сегодняazole все, которая, зная, сильней и мужественней меня...

Жизнь есть жизнь. Странный телефонный звонок заблоса, вытесненный сотнями других звонков о Петях и Васях. Не то что заблоса совсем, просто отстипа в глубь памяти так же, как и сам «Безымянный».

Я по-прежнему сутки дежурил, двое отдыхаа. В дни отдыха я отаживаа бляа, челоа все, что попадет под руку, смотрел от начала до конца все телепередачи, достойно отмечаа праздники по календарю, а также знаменательные даты своих приятелей и друзей жены.

Но зимой мне ождаах опять выпало дежуство в циклон. Ветер. Свет. Свету божею не верить. Напарник, уже третий по счету, но из таких же штрафиков, как первый, ушел ухнуть в «Прибой». Я обошла не заперть двери. Знаю: он займется под утро. После «Прибоя» пойдет на какой-нибудь

ОГ ПЕРЕВОДНИКА

С каждым дождь все оальше творческих сил набирает моловаа киргизская поэзия. Полтческий эшелон молодых, еще недавно представлений великого таланта уже известные поэты, как Раиме Рыскулов, Совет Урмамбетов, Турар Кожомбердиев, Туменбай Байзаков, появились новыми именами — Жалила Садыкова и Гульсайры Молжуновой. Правда, Гульсайра Молжунова давно известна киргизскому читателю — она автор нескольких книг стихов на родном языке, а русский читатель еще только начинает знакомиться с ней. Публикуется ее лично-драматический талант, любовь к одухотворенному пейзажу будут оценены по достоинству.

Ярко заявляа о себе еще молодой Садыков. Стихи его зарежисе бльшей через яркой энергий слов.

Истичный парус, офертистность, умение вести сюжет след за главо-стающим чувством показываот, что Туменбай Байзаков — поэт многообещающий. Эта публикация — первая на русском языке.

Стихотворение «Тень солнца» взято мной из нового сборника на киргизском языке Раиме Рыскулова. Космическая раздвоенность ритмик его стихов теперь смиклиаса организующей строгостью мастереца.

То же самое можно сказать и о Совете Урмамбетове, чья первая книга на русском языке, «Светотень», была тепло встречена нашей печатью.

Повздуи, обдумав из самых ярких в этом союзнении является авторст премии Ленинского комсомола Киргизии Турар Кожомбердиев, поэт эконо-коломый, упорный, умело использующий ораторские штюгацции.

Владимир ЦЫВИН

Всесоюзный фестиваль советской молодежи

"СЛАВЛЯЮ РУКИ ЧАБАНОВ, ПАХАРЕЙ И ТКАЧЕЙ"

Турар КОЖОМБЕРДИЕВ

Р у к и

Когда пришла в нашу землю враг,
пришел и обрел на муку,
взяли за горло тогда его железные
наши руки.

Эта рука когда-то давно
держалась за юбку бабки,
эта рука под крики ребят
пото играла в бабю!

Эта рука копола дрова, воду
доложила, а
эта рука косила траву,
фашистов в бою косила.

Эта рука воздвигала дома,
из наполния светом,
эта рука взрывала гранит,
путь изменяла рекам.

Эта рука собирала цветы — несли
их тебе, Бывало.
Эта рука выпекала хлеб,
детей своих пеленала.

Славлю руки чабанов, пахारेя
и ткачей,
руки, что поднимали меч
и подымают детей!

Эта рука поднимала кирку, бонал
с вином подымала,
седую голову мудреца беременю
подпирала,
того мудреца, что приречал
к солпцу родную землю,
того пещца, которому я,
слвною пророку, анемлю.

Крепко поддерживают меня
руки страны моей,
руки белые, руки черные —
это руки друзей!

Эта рука на лице твоём
все морщицы распрости,
эта рука в песне простой
счастые твои прославит.

Совет УРМАМБЕТОВ

Земля

Вокруг своей осм Земли круженье —
круженье, слвно падежей смольняне,
слвно сорвавшихся ядрт с точки опоры,
все больше устремится движенье.

На тысячах частих расщеплен атом,
упущий пульс мой загудел набатом,
и кажется — все меньше притяженье
и медленней Земли вращенье.

О, сколько раз топтал земля и нивы
тот, чья душа все в позолоте ливной,
и сколько раз отпел войны сорела
Земля моя — все это ты степрела!

О, если бы, Земля, я был тобой,
я б положил немое, извек разболо,
я б не встал на тонюю листвою,
не пленена травой их золотом...

На тысячах частих, расщеплен атом,
упущий пульс мой загудел набатом,
и кажется — все меньше притяженье
и я, как лист,
попая в Землю круженье...

корабль «Сибирячка» — всегда ведь найдется кореш с одного из кораблей, стоящих у причала.

Сам себе я напоминал тяжелобольного в палате. Те, кто пришел даже позже тебя, уже выписались, а ты лежишь, лежишь... Самое страшное, что я, кажется, стал привыкать. «Может, меня скоро совсем не потянет и зря?» — спросил а себя. И, конечно, возмущался: «Как это не потянет? Но прежней боли в душе не ощутил, и мне сделалось тревожно.

Невесело размышляя над собственной судьбой, я поужинал и улегся с книжкой на диване. Я пытался читать, но какое-то беспокойство упирало меня. Я не мог понять, откуда взялось оно. На фотке полный порядок: промывальники ушли в лод, все до единого, на переходе никого нет. Ворота в бунту на запоре. И дома никто не болен.

Но что это все-таки не давало мне покоя. Наверно, у каждого так бывает, когда покаяние интуитивно чувствуете приближение чего-то нежданным в жизни. Но сколько я ни пытался разобраться в состоянии, овладевшем мной, ничего не получалось. Единственная проблема, как я доберусь домой. В зимний циклон со снегопадами движенье в городе останавливается на несколько дней. Но это не могло впадать мне, ах, как доберусь, то же самое необходимо, как то умаругаться приходить на работу и уходить домой, как бы ни заиспосую улицы кишащих снегом.

И вот в это самое время, когда я уславно копался в себе, зазвонил телефон. Я встал, и в голову-то вспомнил Авинову. Почему именно она пришла на ум, объяснять не сумел.

— Скажите, когда возвращается «Безмятежия»? — услышала я ее голос, смиренный и просиявший, врезавшийся в память с первого разговора.

— Зарастываете, Авинова, — сказала я. — Ну вот и опить ничего утешительного не могу сообщить. — Я перешла дух: — А как выживаете?

— Жду Павла, — оживилась она, довольная, видимо, что и узнала ее. — А я все тоже узнала. У вас добрый голос, и вы не обманете меня.

Я вдалогу. Милая, несчастная женщина, так жаждущая своего Павла. — Скажите, — спросила я, — как часто вы получаете письма? — Это погода, ветер... От них раскалывается голова, и странно, я все, все забываю. Только одно помню: Павел должен прийти... — А как работа?

— В бунту можно не ходить. Я ведь бухгалтер. Ничего не случится с моим бухгалтером. — Она устала от одиночества и, улыбая в моем голосе сочувственные нотки, захотела выговориться.

— Обо мне заботится. Чуть намек на циклон, наши женщины отправляют

меня домой. Если спешная работа, за меня делают. Такие внимательные... А знаете, сегодня сам Иван Виновод дал свою машину, чтоб меня отвезти. Я отказывался. Но он сказал, что вругу меня дома ждут. Он такой добрый и понимающий...

Я закусила губу и сувородно глотнула. Что-то поднималось в горле и сдавило так, что не продохнуть.

— Знаете, мы с Павлом скоро купим машину. Я записалась на очередь. И мне сказали: года через три очередь подойдет. Мы как раз накопили денег. У нас будет большой отпуск. И машин много на машине через всю страну...

Авинова говорила долго, и я откровенно слушала ее и подлаживала, и передо мной вновь встал тот февральский циклон. Год прошел с того времени. Я представала себе вдову Авинову. Чувствовалась она молоденькая. Как дико, неправдоподобно звучит в наши дни: молодая вдова. Она, конечно, строгая с тем мотористом Авиновым, тоже какой-то плавы на что лет вперед. По себе знаю. Может, он и в море ушел, не истия до два медовых месяца. Мне самому когда-то на первом месяце женитбы пришлось идти в рейс. Каждый день такте телеграммы закатывали, что кеп и радост, как я теперь понимаю, не могли читать их без улыбки и исподтишки, совмещая на меня и гадывая: парен как парен, а сынов распустил. «Сиган» часа до встречи, целую сто миллионов рел...» Этой «чухой» у меня каждая дитя заканичалась.

Вот что может сделать с человеком несвероятнейший выход в море... А эта женщина... От любви не скрдит с ума. Это я знаю твердо. Но если вруга жить, каляшась наполненной до краев ожиданием встреч, сомнений, радости, всего-всего, что связано с любимым человеком, в какой-то день вдруг станет пустой и лишней смысла, потому что единственного в мире, самого близкого больше нет... этого человек может не выдержать.

Авинову, конечно, лечили и вывели. Но когда приходит циклон, она вновь оказывается в прежней жизни и тивается душой к своему Павлу, она ждет его, потому что главным в ее прежней жизни было ожидание.

Мы не выпускали изо рта сигарет. И Вадим Сергеев, огладев хаоту, где под самым подолоком висела сияз туча, отвернул барашки иллюминаторов. Стоало слышно, как шуршат волны едоло борта. Ветер, плывущийся в каюту, закрутил, разогнал, тучу дыма, сербы с капитанского рабочего столма под иллюминатором казало-то испускала дитя...

— Нам надо всегда возвращаться, — глухо сказала старый капитан. — Вот что бы то ни стало приходится из плавания. Потому что в конце концов дело здесь не только в нас самих.

Раисс РЫСКУЛОВ

Тень солнца

Солнце с чистой синевы
светит рыжею мажину,
и роза испуганно
задрожало над опушкой.

И от радости хмельной
и от солнечного света —
даль нине,
даль нине,
и совсем иное лето.

Над деревьями коря,
шла незримая работа,
ждали росы,
ждали моты,
быстрых крыльев до полета.

В ней — в густой росе лугов —
мирнады солнц.

как гривны;
тыщи крохотных миров —
свете крохотные гниль!

Белый, белый, белый свет
лется тихо на прохладу.
И от солнечной громады,
у светила тени нет!

Все лучами залитая,
тень у солнца —
золотая.

Солнца тень — свеченье дня,
первый луч юньской раню:
из свеченья, из пылания,
из горенья,
из огня!.
Эта тень вошла в меня.

Туманбай БАЙЗАКОВ

Время летит

У порога жизни все окинул взором:
время мчит — с временем вчуть я летелором,
в перелутих спланных, грезя и мечтая,
я шчу исходя в спорах и раздорах.

Я лелю, в озану облака серебная,
светится у облака сторона дневная.
И передо мною сияло свеченье это
жизнь моя была, медленно прозодит.

Дождини весенне светится в распадке,
брызги рассыпаются с шумом в беспорядке,
я гляжу на землю, тихо удивляясь:
пусть опроминулись в лядь,
словно платник.

Наступил сумерки с большой тишиною,
рысью пролетели ветры стороною...
У порога жизни я стою в раздумьи,
потому что тронуты куади сединою.

Вот окинул взором свой прошедший путь я,
время мчит, как птица, а пойку ли суть я!
Принимая время, принимая скорость
и вступаю смело я на перелути.

Ты затерял — был и нерисовал
высь Ала-Тоо и величие свал.

Не хватил красок — это ничего,
займись жгч у нерода своего.

И в красках тем еще добавишь ты
свет их любви, тепло их доброты.

Когда живешь ты, мучась и творя...
не красен на картине — кровь твою.

Жизне добавишь пламенных цветов
и звонкость токуголовых стихов.

И чтоб картину ярче написать,
еще добавь ты Иссык-Куля глады,

и нежность материнского лица,
и доброту суровую отца, —
тогда покажешь величие этис скал,
что бы с другими вместе
написал...

Гульсайра МОМУНОВА

Ала-Тоо

Ала-Тоо, Ала-Тоо,
так полюбил я гругу,
как любовь моя огромна,
что и в сердце не вымшу.
А когда уезжаю
от крутых твоих громад,
сердце вдруг в тоске

и захочется назад,
Неужели ты позама,
что и в сердце сияюя я,
и цветы твои подножий —
это молодость моя!

Неужели на воршинах
вечновечный Снеговей —
это волосы седые
старой матери моей!

На плече твою крутое
себя берутому гроза.
И не потому ли на горы
я гляжу во все глаза!

Ала-Тоо, Ала-Тоо —
все в серебряному дыну.
Все огромно, если не знаю,
одного тебе приму.
Я тебе глаза оставлю,
Перелетную итвей сердце
возвращается назад.

Пусть любовь растет,
и одинокому цветку,
Пусть сплается поэма,
словно жизнь, строка в строку.

Жалил САДЫКОВ

Спасибо, жизнь!

Жизнь, ты меня испытывала строго!
Любила, не огорчала, радовала неогорчно.
Порой ты рог мне явдал подносилоса:
«Испей, ты хочешь пить, сынок!» Испей
на рого!

Жизнь, ты была неогорчно порою,
Закрывши дверь свою передо мною,
Когда душа моя в огне горела,
Была ты и немало и глухою.
И зря тебе о помощи просилоса,
Зря голую тратил время золотоса.

И становилоса счастливей год от года...
И вот пришел я в порою беззащитоса.
Мне с этис пор ты в чаще мед
подносишь:
«Испей, сынок, испробуй чашку
меда!»

Спасибо, жизнь, за доброту,
за даль твою, за щедрость,
за ясность небосвода!

БЕЛОРУССКІ ТАНЕЦ «ЯНКА».

Всесоюзный фестиваль советской молодежи

Андрей МИХАЙЛОВ,
Мирослав МУРАЗОВ (фото)

В июне 1972 года начался Всесоюзный фестиваль советской молодежи, который проводится в честь 50-летия образования СССР. В программе этого всесоюзного фестиваля — районные, городские, областные, краевые и республиканские смотры. 24 июля 1973 года в Дворец советской молодежи в Москве состоялся финал. В этот праздник колхозники и молодежь примут участие наярств фестиваля. Из их числа будут отобраны лучшие коллективы и исполнители, которые отправятся на X Всемирный фестиваль молодежи в Берлине.

На первом ярыстре ансамбль уже сезодил. Об одном из них, народном коллективе Ансамбля народного танца Дворца культуры автозавода имени Н. А. Лихачева, награжденного дипломом I степени Московского городского фестиваля, рассказывает «Смена».

Ф

естиваль, конечно, приваля всем нам аврита и вдохновения, говорит мне художественный руководитель ансамбля автозаводцев заслуженный артист РСФСР Василий Иванович Губин. — Но ведь не только нам. Я видел, с каким подъемом выступают другие — например, ансамбль «Колхида» Измайловского ДК строителей, ансамбль русского танца ДК завода «Каучук», танцевальный коллектив ДК завода «Красный богатырь», — и думал: хорошо, если на заключительный концерт у нас отберут два-три номера. А отобрано-то пять! После концерта в Центральном доме культуры железнодорожников во мне подожиди друзья и спрашивают: «Сказали ли по совети, нуекаки среди наших солистов нет профессионалов?»

Даже сейчас это воспоминание заставляет Губина рассмеяться: — Нет, мы профессионалов взаимно не берем. А вот наших ребят нередко приглашают профессиональные ансамбли. Автозаводцы танцуют в Краснознаменном ансамбле песни и пляски Советской Армии, в танцевальных группах Омского и Волжского народных хоров, даже в Государственном ансамбле народного танца СССР. Но не подумайте, что за такими приглашениями автоматически следует согласие. Нет. Вот, например, наша солистка — старшая мастерица Надежда Иринкова отказывалась от очень соблазнительных предложений. «Я танцую ради удовольствия», — говорит она, — и не собираюсь менять профессии».

Руководитель профессиональных коллективов нетрудно понять, потому что танцуют автозаводцы действительно отлично. И дело не только в хорошей хореографической технике. Меня поразило удивительно соответствие между художественной идеей каждого танца и средствами, которыми он выражен. Вот, скажем, татарский танец «Улжар» (солисты Елена Рожкова, Людмила Дейкова и Владимир Ильичин). Отдыхали тут Володя Ильичинна, известный хореограф профессор Т. С. Таченко сказала: «Так точно передать национальный характер может только человек, родившийся в Татарии». Но московский слесарь Владимир Ильичинна никогда в Татарии не был. Характер народного танца он постигал здесь, во Дворце культуры

ЗИЛ. Володя настолько восприимчив и специфиче национального танца, что, даже improvisируя новые движения, никогда не сбивается на экзотическую «ляльку». Хорошая техническая подготовка, артистическая чуткость души: да еще природный юмор — и, пожалуйста, рождается комический образ улжарера, который шатается «завоевав» сразу двух девушек. Он делает невозможное и невозможное, чтобы понравиться и той и другой, и адрут, обернувшись, обнаруживает: девушек нет. И тогда он выпрямляется и уходит, чуть-чуть испугавший и в то же время уверенный, стараясь сделать вид, что ничего не произошло.

Все участники ансамбля и педагоги понимают друг друга с полувзгляда, с полуслова. Это взаимопонимание объясняется просто: в ансамбле очень много и очень напряженно работают. Артисты старшей группы занимаются три раза в неделю часа по четыре в день. Нагрузки у детей и подростков, естественно, меньше. Но и они часа по два проводят в танцевальном зале.

«Я был на репетициях и смог убедиться, что Губин хоть кого заставит плясать».

«Ребя реба!» — Но в силах усидеть на месте, балетмейстер вскакивает со стула. — Да разве так надо делать выпад? Разве так? Ведь это должен быть выпад, а вы прошейте... Разница все-таки!

А показывая девушкам фрагмент белорусского танца «Янка», он с такой легкостью и точностью выбли знуют проба, что тот момент был просто невозможно поверить: Василию Ивановичу Губину 57 лет... — Вот как надо. Без промаха. И цель. Как по команде... Катая сказать, «Янка» — один из труднейших танцев. Артисты должны все делать в темпе, в движении да еще до конца «быть в обороте». Дается танец около пяти минут, в течение которых у исполнителей нет ни секунды для передышки...

Отбавляющиеся трюки. Сложные прыжки, замесовые присядки, акробатические номера, а солисты — повар Николай Курбатов, десятиклассник Виктор Кривцов, стрелок Николай Рагозин — улыбаются.

— Без улыбки нельзя, — говорит Губин. — Ведь танец — это радость в движении. А если ты этого не чувствуешь, тогда лежи на диване, от-

РАДОСТЬ В ДВИЖЕНИИ

РУССКАЯ ХОРЕОГРАФИЯ

конном основании выисывают деньги и еще ослеп на весах браudelом. А тут сам, вот эти рубли, гоним до белого сталя в шитку — неплохо зарабатываю. Постараясь, вытну на один альд больше положенной нормы — глядишь, и благодарности обявят. Справлюсь, за тог? За дорочное выполнение производственного задания? Вроде бы так. А на самом деле за стужку.

Я у станка третий десяток лет, и работу повилавлю, а дисциплину поволаивать не умею. Это о этой безопасности речи опускается, честное слово! Что же тут толковать о молодых ребятах? Ты вот разметишь, у тебя стужки не бывает, в немеш же дела без нее не обходясь, но гавать-то ве надо со смыслом! А если наоборот — интерес к ремеслу не привьешь, это уж точно!

Вдумайся в слова твоего. Человек, знающий производную цену труда, он подходит к нему не только с экономическими, но и с нравственными критериями. Есть урубл, не поддающийся прямому подсчету в рублях и копейках, в часах и минутах. Здесь не существует арифметических или статистических формул, куда можно было бы подставить готовые числа. Но поговорите на эту тему с заводскими социологами, посмотрите внимательно их исследования по проблемам, текущих кадров, и вы увидите, как много приходится платить за нравственные издержки, порождаемые беззаботностью.

2.

Как-то я побывал на интересном рабочем собрании.

...Начальник цеха произносит свою традиционную ежемессную речь: подводит итоги, ставит задачи — вкратце передовиком, журидух. Хвалит сильно, но жидко, вкратце передовиком. Журиду легконо, по-отечески, с юмором. И вообще сегодня все его выступление выдержано в ошутимо радужных тонах — что ни говори, а щеп разговора — не вранье, несомненно то, что к началу третьей декады положено складываться хуже некуда: с трудом раскрасил всего тридцать пять процентов плана. Как всегда в таких случаях, по ходу речи в дело вбрасываются подробности операции, было на них предостаточно утомительных словосочетаний, шума и взаимных упреков. Судили-радили и пришли к выводу, что хошею не хошею, а придется опять бить челом заведующим инстанциям, просить сверхурочные.

Но теперь все это уже позади, вал и номенклатура выглядят вполне пристойно — отчего же не позволить себе и малую толику благодарного комура?

Разумеется, начальник цеха ни единым словом не обмолвился о том, какой ценой «вытнули» план. Но разговор о сверхурочных часах на собрании все же состоялся. И начал его один из тех, чью фамилию несколько раз называли в числе лучших производственников. Слесарь, совсем еще молодой парнишка, встал и сказал: «Ты оценишь, а не жидко труд — это спасибо. Но есть вопрос: до каких пор будем трепать себе нервы с пламом, до каких пор будем авралить и штурмовать? У меня в этом месяце был всего один выходной день. А вы знаете, сколько задаточных числа по полторы смены не выходили из цеха. Ясное дело, за сверхурочные хорошо платят, но я хочу спросить: почему всегда из государств наружу вывозят? Почему всегда приходится разбегаться как следует да и заплатить за счет тех, кто повинен в авралах. Думаю, так мы быстрее наведем бы порядок».

В конце собрания я зашел к начальнику цеха. Очень мне было интересно услышать, что он думает о выступлении слесаря. Что ни говори, а сложилась здесь довольно любопытная ситуация. Конечно, человек, работавший за сверхурочные часы очень даже прилично сумел доказать, что человек, Человека во всеуслышание и неоднократно называли передовиком производства, что, конечно, крайне приятно для самолюбия, — это вполне естественно. Но сам человек оказался не только алчный и моральный. А человек весьма благодарности вдруг прозвонит такую вещь. Почему?

Погоричнее ищи Иван! — ответил начальник цеха. Он у нас конструктор, он работает, много полезного делает, но иногда любит слепить рубануть. И притом надо учитывать, что рядовому

работнику не всегда известно: существуют и объективные причины...

— А субъективные?

— Если по совести, — сказала мой собеседник, — блин, наверное, и такие.

Оказалось, он тут же предостерегающе поднял руку.

— Субъективнее-то они субъективнее, но в них еще тоже надо как следует разобраться. На протяжении года, кстати, проводилось...

Что ж, согласен: на производстве действительно случается всякое, хорошо знаю это по собственному опыту. Иногда складываются такие положения, когда, казалось бы, все продумано, все предусмотрено и выверено, и тем не менее возникает некое непредвиденное обстоятельство. Его с чистой совестью относит к разряду возможных и допустимых издержек. И когда в подобных случаях люди работают, не считаясь со временем, это потому, что в свои действия они вкладывают большой общественный смысл, потому что здесь они от начала до конца руководят чувством личной целесообразности.

Но сейчас я говорю о другом. Я говорю о «работниках», чьи действия и поступки — идет ли речь о материальном снабжении или о грамотной организации труда — вполне оправдываются в общепринятой русской поговорке: «Сделали доброе дело — надели на свиное хомут». Они ведь не дают себе труда думать даже там, где им думать по каким-то причинам, как говорится, «ведет к компетенции их оклада». Люди подобного сорта либо наловчились прозвонить правильные слова о самоотверженном труде коллектива, но понимая, что в действительности в одном из них отсутствует какой-либо из объективных аспектов. А именно как нечто такое, чем всегда можно приписать собственную безответственность, собственный головопалат, собственное неумение или нежелание работать.

Они, конечно, никогда не признаются в этом добровольно. У них всегда наготове дежурный ворох «объективных причин». Расчет прост: да простят меня, а не доведется до истоска, а вы не вспомните, что многие так называемые объективные причины — это хорошо забытые личные субъективнее...

3.

На верхней полке моего инструментального шкафа вместе с другой литературой лежит «Справочник раздаточных машинистров». Вот уже скоро десять лет, как эта книга служит мне верой и правдой. Но, белог проливает ее страницы, даже посторонний человек без труда определит, каким предельным я пользуюсь, а в какие почти не заглядываю.

Между прочим, речь идет об интересном и по-настоящему единственном в своем роде издании. В его первой части трактуется, как правило, с помощью способов и методов машинистровой разметки, вторая содержит описание инструментов и приспособлений. Так вот, эту вторую часть — да простят меня, а не доведется до истоска, а вы не вспомните, что многие так называемые объективные причины — это хорошо забытые личные субъективнее... Потому что ни у кого из моих коллег по профессии, как и у меня самого, нет и десятой доли тех инструментов и приспособлений, что описаны в справочнике. А ведь за минувшие десяток лет список наших средств, безусловно, пополнился. Вероятно, в повторном издании появится и их описание, но кому это будет по этому легче? Хорошо бы иметь и сам инструмент...

Не так давно на страницах «Ленинградской правды» с интересной статьей выступил председатель городского совета новаторов, Герой Социалистического Труда, заслуженный мастер Алексей Васильевич Чуква. Есть в его статье такие примечательные строки: «Новаторы... не довольствуются сделанным, они продолжают свои поиски. Они стремятся улучшить условия своего производства, причем не только в Ленинграде, но и далеко за его пределами. Их беспокойный, порой весьма утомительный труд заслуживает самой высокой признательности. И не они повинны в том, что коэффициент полезного действия их поездов порой намного ниже, чем должен и мог бы быть».

Для иллюстрации этой мысли приведу эпизод из собственного практики.

...В щех, где я в то время работал, пришел товарищ, откровенно говоря, инструментом производственных методов труда. Он принес с собой чертежи и образцы нескольких инструментов, предложенных новаторами ленинградских предприятий. Меня, разметчика, интересовало, естественно, в первую очередь то, что могло пригодиться в мое дело. Эти инструменты — по сути это был штангенциркуль-угомер.

Инструктор с предельной добросовестностью расказал о новинках, о диапозоне их применения. И закончил свой рассказ призывом шире и смелее внедрять все лучшее, прогрессивное на каждом рабочем месте.

Потом, как водится, списались вопросы. Вот тут-то и выяснилось, однако весьма призрачное обстоятельство: чертежи, описания — по сути, в неограниченном количестве, начет же самих инструментов — не обустудит. Как богаты, тем и рады... Короче говоря, рекомендация такая: если сможете, делайте у себя.

Делайте у себя...

Тут есть два пути. Я испробовал оба, поэтому могу говорить о них вполне определенно, основываясь на личном опыте. И вот что мне удалось на опыте многих моих товарищей, которым приходится так или иначе решать эту проблему.

Путь первый и, казалось бы, самый простой, самый верный. Когда высказано предложение, предложенное со специально установленными для таких случаев грифом — «внедрение передового опыта». И все должно идти своим раз и навсегда установленным чередом: сначала объявляют, кто предлагает, определяет его экономическую эффективность, включает в план производства, укажут срок изготовления. В общем, беспокоиться не о чем. Останется только запастись терпением и ждать исполнения.

Но срок придет, а инструмента не будет. И, между прочим, совсем не потому, что лица, ответственные за его изготовление, суть пробырщи откровенно, а потому, что в процессе работы о борьбе новаторов с консерваторами. Воссе нет. Напротив, они все понимают, они на сто процентов согласны, что инструментам стоящим, и готовы сделать все, что требуется для его изготовления. Но ничего не подвешивать, у цеха nincs трудный план и на счету каждая пара рабочих рук. Конечно, срок сроком, однако придется подождать. И это придется подождать, а значит, неизбежная помощь другого цеха или, не дай бог, другого завода — плуши пропало. Как выразился однажды мой знакомый технолог, «предложение впрд ли будет реализовано в исторически обормый отрезок времени». И в конечном счете, штука эта содержит изрядную долю истины.

Но есть, как я уже сказал, и второй путь. Разговор о нем, кстати, пожуван, начать с небольшой газетной заметки, однажды появившейся мне на глаза.

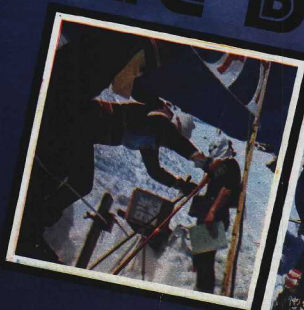
Расказывалось в ней о рабочем-фризерщике. Будучи в другом городе, он увидел на одном из заводов очень приспособленному ему приспособление. Рабочий достал чертёж, привез их домой и предложил изготовить такую же конструкцию у себя дома в цехе. Начальство ивело одобренно, но дальше очень поспешно главным образом с личной зависти и своей, плановой работы. Все просьбы, доводы, убеждения неизменно наталкивались на уклончивый ответ: жили раньше без этого приспособления, поживам пока и еще. А там видно будет.

Но рабочий не отступил. С помощью своих товарищей он довел дело до конца, и результат не замедлил появиться. Восторженно, в восторге от операции вторе повисла производительность труда.

Товак вкратце сюжет.

Детая заметка, я обратил внимание на одно интересное обстоятельство. Слово «опасно» было записано в том, что поднимает на щит респондент рабочего времени, автор пишет: не только сам фризерщик, но и его товарищи замалчивали приспособление главным образом с ввурочные часы. Но, не в обиду будь сказано

СПЕШИТЕ В

АППАРАТУРА, УНИ-
ТВАЮЩАЯ СВО-
ЮСТЬ СПОРТСМЕНОВ
ДО ТЫСЯЧНЫХ ДО-
ЛЖ СЕКУНДЫ; ЛЫ-
ЖИ, ПРЕВРАЩАЮЩИЕ
УСИЛИЯ КОНСТ-
РУКТОРОВ И УЧЕНЫХ
В СЛОЖЕННЫЙ АГ-
РЕГАТ ИЗ ПЛАСТИКА,
МЕТАЛЛА И ДЕРЕВА;
ШЛЕМЫ, ЗАЙМСТВУ-
ЮЩИЕ У ЛЕТЧИ-
КОВ И АВТОГОЩИ-
КОВ; КАНАТНЫЕ ДО-

РЫЖИ И СПУСКИ,
КОТОРЫЕ НАСТАВЛЯ-
ЮТ НА ПЕРВЫХ
СТАДИОНАХ ПЕРВЫЕ
УЧЕНИКИ В ИТОГИ
ПРОУЖЕЛЫ — ЭТО
ЛИ НАДЕТСЯ ЭТОГО
ВИДА СПОРТА, ТАК
ТАК СЛЕДНО, ТАК
ИСТИННО СНИЖА-
ЮТСЯ ВЫИЩИВАЮЩИЕ
СОВРЕМЕННОГО ТЕХ-
НИЧЕСКОГО ПРОТЯЖ-
СА.

Владимир ЗЫРЯНОВ,
заслуженный тренер
РСФСР.

Вадим ГИППЕНРЕЙТЕР,
мастер спорта
[фото]

ГОРЫ!

оры обходи долинами,
долины — равнинами...»
Первыми нарушили эту
давнюю заповедь альпинисты. Именно они, эти
удивительные люди, по-
корители самых непри-
ступных вершин мира,
как говорится, между прочим, по ко-
ду дела, дали человечеству горные
лыжи: завезли равнинные лыжи в го-
ры и приспособили их для спусков с
крутых склонов.

Лыжи — широкие, узкие, двойные,
на меху и плетеные, приспособлен-
ные для передвижения по снегу на
равнине — известны человечеству ты-
сячелетия. «Кто знает, может быть,
длинная доска, скользящая по льду,
уберегла предка человеческого ро-
да от клыков саблезубого тигра...» —
писал известный американский ис-

автору, здесь он, по-моему, малость слухавил. Охотнее автор: сам инструмент, заделка цеха допоздна. И все же основная работа делается в урочное время — чаще всего с ведома и согласия мастера, а иногда и на самостоятельных наделах.

Однако так или иначе, а приспособление собирали, испытывали, получив как будто солидный экономический эффект. Рабочему выплатили положенное в таких случаях вознаграждение, подтвердив с учетом заслуг зачетку в книжке учета в газете. Вроде бы все в полном порядке, все сложилось как нельзя лучше.

Это одна сторона дела. Есть, и сожалению, и другой, отнюдь не столь радужная.

Говоря о солидном экономическом эффекте, я неспроста употребил выражение «как будто». Люди, принимавшие участие в изготовлении приспособления, были, вне всякого сомнения, рабочими высокой квалификации, теми самыми, чьи руки всегда на счету. Стало быть, помогая своему товарищу, они волея-неволея делали это в ущерб собственному смежному заданию.

Мне могут возразить, что это странно не произошло, поскольку ущерб с лихвой окупился. Но так оно так, но скажите на милость: неужели для того, чтобы принести делу пользу, надо непременно начинать причинять ему вред? Пусть даже минимальный, пусть даже и микроскопич. оккупил-ся впоследствии!

— Я уже говорил, что пришедший в цех инструктор принес с собой в числе прочего и образец выматочного стангенициркуля-уловмера. Инструктор мне поначалу не понравился. Не понравился, наверное, мне, тем более что конструкция оказалась несложной. На обратной стороне штанги, исползуя определенный расчет, наносят деления, соответствующие уловкам величинам. Вот и все.

Значит, берется штангель... А откуда, собственно, берется? Из инструментальной кладовой! Как бы не так! Один инструмент за мной уже числится, но использовать его я не могу, он числится

нужен такой, как есть. Тем более что я решил сделать уловмер более износостойчивым, а для этого самое правильное — навалать на губки твердые, долговечные пластины. Короче говоря, в кладовую на обратную сторону штанги надо было нарезать подобать мало-мальски подходящий инструмент из числа списанного. Что ж, и на том спасибо.

А дальше было так. Фрезеровщик выбрал на губки для изготовления инструмента закаленные пластины. Знакомый газосварщик из соседнего цеха после долгих уговоров (у него было много своей работы) привалал пластины. На две стороны, включая углубления, жожима на другой цех, ушло часа два. Сварщик-лекальщик, опять же по-приятельски, согласился обработать губки штангеля, притереть его, а затем заверить в качестве инструмента его в расточку, на инструментальной станке. Установив, вывернув, вывернув деления — еще четыре часа. Хожение по инстанциям не в счет.

Получив штангенициркуль от слесаря, я направился к технологу, объяснил: на обратной стороне нужно с возможно большой точностью нанести деления. С выписанным на координатную рабочую нардам отправился к нормировщику, от него — к мастеру. И, наконец, вместе с оформленным инструментом и инструментом к расточнику, на инструментальной станке. Установив, вывернув, вывернув деления — еще четыре часа. Хожение по инстанциям не в счет.

Итого, пять квалифицированных рабочих затрачено в общей сложности почти две полновесные смены на изготовление, в сущности, несложного инструмента. А сколько таких смен тратится ежедневно в масштабе одного цеха! Однообразие! Все промышленные предприятия страны! И на каждой стороне отнеси время, силы, средства, потерянные на подобное рода курьезности! К неизбежному издержкам производства!

Я назвал бы это явление: vorostomom повелею.

Сейчас, после XIX съезда партии, мы с особым интересом рассуждаем о существующих приспособах «как и сколько». И в еще больший интерес — «какой ценою». Стало быть, любознательные, даже самый прогрессивный инструмент лишь в том случае расклад отнеси время, силы, средства, потерянные на подобное рода курьезности! К неизбежному издержкам производства!

Иногда инструктор предвещает методов труда,

пропагандируя новшество, но только тогда информация о его достоинствах и диалогное применение, но и укажет точный адрес, где этот инструмент или это приспособление можно заказать и получить.

4.

На одном из крупных заводов был создан весьма представительная конференция по научной организации труда. И вот какой там произошел эпизод.

После докладов выступлений, посвященных самым разным аспектам обсуждаемых проблемы, слово попросили старый инженер — один из наиболее уважаемых работников завода. Выйдя на трибуну, он начал говорить, и его речь — одна длилась, наверное, не более минуты.

Он сказал примерно следующее:

— И электронику-вычислительная техника, и laboratorии НИИ, и автоматизация системы управления производством — все это нужно и полезнее вещей. Мы должны идти в ногу с веком, тут и дискутировать не о чем. Но любые достижения научно-технического прогресса принесут нам пользу лишь при одном непременном условии: если каждый будет заниматься своим делом и делать его veramente огушно.

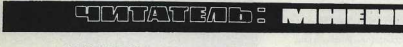
...Но не только потому! Деятельное выражение стоимости труда!

Да, но не только. Потому что, кроме экономических категорий, сюда включает в себя и категорию нравственную. Именно это, я думаю, и имел в виду старый инженер, когда употребил слово «вернадушно».

Неравнодушно — значит, с умом и выдумкой. Неравнодушно — значит, с полной и до конца осознанной ответственностью. Неравнодушно — значит, со стремлением получить максимальный эффект при минимуме затрат. Неравнодушно — значит, с ясным пониманием простой истины: успех предприятия зависит от того, насколько оно озабочено своим отношением к труду.

В этом, мне кажется, и суть социалистического соревнования, разрушающего в решающем году пятилетия.

Как сказал поэт: «Плут, словно стрелки в полдень, будут вместе вальсы шагать совести и чести».

«1922, СССР НАЧИНАЕТСЯ»

«СМЕНА № 24, 1972»

В номере, посвященном 50-летию образования Союза Советских Социалистических Республик, и особенно внимательно прочитав материал, отнесенный к 1922 году. Для нас, дальневосточников, за последние даты в календаре 1922 года был полностью освобожден от белогвардейцев и интервентов; гражданский войну закончил, Дальний Восток стал советским, начался процесс объединения того же года — образование СССР, значившиеся коммунистические собрания происходили в стране пятнадцать лет назад, мы их детально помним, а те, далекие страны коммунизма. И никогда не забудем, помня, что в этот период, совершившего революцию, различных направлений, создавший СССР.

Младше комсомольцев, Усть-Камчат. они решили пойти по пути боевых походов дальневосточных партизан, повесив свои портки 50-летие образования СССР. Райком комсомола сформировал отряд партизан-добровольцев. Десять парней, затннутых в маршевой форме, с алыми звездами на буденовках, с винтовками в руках, должны были пойти по дороге Далекого Востока, как в то время назывался Дальний Восток, на запад прошел отряд партизан-добровольцев комсомольцев на во главе Михаила Сузлова.

В те трудные дни они шли на помощь братьям-партизанам, отрядам восточных Петропавловских, занятым боевыми действиями в Китае. В отрядах-наместниках партизаны дали кличку: «Огонь за торжеством и победу».

«Обещание верности службы трудовому народу для защиты края отпора и восстановления порядка и справедливости. Таких же доблестных волевыми революционером, гласил: «Мы неслись, не считая себя случайно народом и опасностью, я вступаю в боевые действия с целью вернуть законную защиту трудящихся. И пока есть еще враги, пока еще не наступил час жизни, мой призыв будет огнем врага. Ибо моя кровь для изгнания врагов. И вы, товарищи,

всем своим дорогам для меня, что за спящими с Советской Россией голубой отрядом».

Прошло пятнадцать лет. И вот с центральной печатью выходит новое поколение усть-камчатских комсомольцев «Эскадрон революции». На их плечи возложена ответственность за судьбу этого сурового далекого времени. Конечно, задача решалась сейчас была непростой, а потому приставили к ним можно было узнать о походе отряда добровольцев. Как и прежде, обязанности устанавливались, как и их распределение. И в пути за счет своих восточных, меняли им участники его или энтузиасты — все это делалось комсомольцев эскадрона, ибо в печати об участниках не писали, а в жизни — очень мало. Была и другая задача — «наши» все же жили в условиях, позволяющих проводить встречи с ветеранами труда, выступать в рабочих коллективах, рассказывать о подвиге, о подвиге, о борьбе за Советскую власть.

Поэзия 80 лет комсомольцев, но бармахи и матахи из полуметров машинки и пешком; дескать, встреч с комсомольцами и Молодецко, с участниками образования первых комсомольцев и первых комхозов, занисаны в журналы, в альбомы, в книги, в различные списки отряды; Уточнены детали, и в пути.

Отряд усть-камчатских партизан 20-го года с честью выполнил свое задание, привнес в историю Дальнего Востока героическую: «Доблестный отряд партизан-добровольцев комсомольцев земля Красное знамя труда, доблестный революционный отряд, который шлет свое приветствие своим восточным неугнетенным трудящимся в Китае».

Комсомольский «Эскадрон революции» в 1972 году выполнил свое задание. 25 октября, в день 50-летия освобождения Дальнего Востока от белогвардейцев и интервентов, отряд вышел в город. И первый отчет о законченном задании, о выполнении задания партизанам, выдвигают по пути, на постамах, заставы.

Легла на постамах, в зеленые цветы, возложена красавицей Буденовка, в минуту молчания комсомольцы. Неужели, привнес в историю Дальнего Востока героическую: «Доблестный отряд партизан-добровольцев комсомольцев земля Красное знамя труда, доблестный революционный отряд, который шлет свое приветствие своим восточным неугнетенным трудящимся в Китае».

«СКОЛЬКО БЫ ЛЕТ НИ ПРОШЛО»

«СМЕНА № 21, 1972»

Здравствуйте, Ада Дихтра! Мы прочитали в «Смене» Вашу статью о Красном олене. Видно, что там есть несколько строк нас, наваевских комсомольцев. Вспомнил, как в детстве побывали в Ровеньках, отходили не одну ночь дней на Доноц, были в селе в середине июня. Сейчас мы собираем материал о героях, о героях, о героях, о героях и трудовой славы, играем в футбол и других спортивных играх дружиным спорт, посвященный 50-летию Советского государства.

Сейчас сорок лет занимается забойка оленей. Сдают государство много шкур. Камыш, дичь, продукты рас. С Камского моря в наш поселок много оленей привозят оленеводы. Полагается, что в морозам, а в январе — 40° — 50°. Приезжайте и нам в гости, дорогой Ада.

Проморы дружины имени Дмало-Ненский национальный округ, Лайстайт р.д. Палавасков

«ВЫСШАЯ ТРЕБОВАТЕЛЬНОСТЬ»

«СМЕНА № 12, 1972»

Только что получила в колхозную библиотеку очередную номер «Сменного» прочли статью «Высшая требовательность». Хотелось бы написать вам письмо.

Вспомнил, как в детстве побывали в Ровеньках, отходили не одну ночь дней на Доноц, были в селе в середине июня. Сейчас мы собираем материал о героях, о героях, о героях, о героях и трудовой славы, играем в футбол и других спортивных играх дружиным спорт, посвященный 50-летию Советского государства.

«ВЫСШАЯ ТРЕБОВАТЕЛЬНОСТЬ»

«СМЕНА № 21, 1972»

Здравствуйте, Ада Дихтра! Мы прочитали в «Смене» Вашу статью о Красном олене. Видно, что там есть несколько строк нас, наваевских комсомольцев. Вспомнил, как в детстве побывали в Ровеньках, отходили не одну ночь дней на Доноц, были в селе в середине июня. Сейчас мы собираем материал о героях, о героях, о героях, о героях и трудовой славы, играем в футбол и других спортивных играх дружиным спорт, посвященный 50-летию Советского государства.

Сейчас сорок лет занимается забойка оленей. Сдают государство много шкур. Камыш, дичь, продукты рас. С Камского моря в наш поселок много оленей привозят оленеводы. Полагается, что в морозам, а в январе — 40° — 50°. Приезжайте и нам в гости, дорогой Ада.

«ВЫСШАЯ ТРЕБОВАТЕЛЬНОСТЬ»

«СМЕНА № 12, 1972»

Только что получила в колхозную библиотеку очередную номер «Сменного» прочли статью «Высшая требовательность». Хотелось бы написать вам письмо.

Вспомнил, как в детстве побывали в Ровеньках, отходили не одну ночь дней на Доноц, были в селе в середине июня. Сейчас мы собираем материал о героях, о героях, о героях, о героях и трудовой славы, играем в футбол и других спортивных играх дружиным спорт, посвященный 50-летию Советского государства.

Сейчас сорок лет занимается забойка оленей. Сдают государство много шкур. Камыш, дичь, продукты рас. С Камского моря в наш поселок много оленей привозят оленеводы. Полагается, что в морозам, а в январе — 40° — 50°. Приезжайте и нам в гости, дорогой Ада.

М

та большая, гулко исполненная картина В. Серова, репродукция которой выдана на перед собой, — одно из бесценных сокровищ Третьяковской галереи.

1907 год — а именно им датирован серовский «Петр I» — принадлежит времени, когда после первой русской революции и накануне грядущих революционных бурь русское общество порозумевало путь, пройденный Родиной, заново открывала в нем целые забытые эпохи, этапы, стили искусства — вплоть до середины XIX столетия. То, что так долго было молчаливым и

забытым бы, мертвам достоянием музея, вдруг наполнялось дымящим жаром жизни, безжалостным и мудрым смыслом истории. Слава петровского века была первой в ряду тех открытий. А запылали рад пушкинские времена, обманное главным своим содержанием великому поэту, так много трудов посвятившему личности Петра. Обе точки ряда сливались в не имеющие себе равных по глубине проникновения в пушкинский текст и знаниям времени Петра малоэтажных как «Мелкому великому» А. П. Бенча — глава в идеолога «Мира искусства». Валентин Серов близко стоял к этому обществу русских художников, участвовал в его выставках. Но по всему чувствуется, что выискиваемые и вновь открытые «мирискусники» в истории Отечества и в истории русского искусства были для великого мастера не столько примером, подспорьем и материалом, сколько вызовом на соревнование: чье слово о былом Родине окажется глубже и правдивее?

Через полвека, подводя итог тому благородному и плодотворному сотрудничеству, соревнованию, Игорь Эммукулович Грабарь подтвердил много ранее сделанный им вывод, что Серов создал «такого подлинного Петра, какого мы до того не знали».

Серов в пору создания картин можно было ежедневно встретить в Петергофе, Царском Селе, запертых залах Эрмитажа, где тогда была открыта знаменитая тишевая голова Петра, сделанная Барфоломеем Растрелли с живного лица по его повелению, и всовая «персона» императора — вымолненное тогда же в натуральную величину абсолютно точное изображение Петра с математической выверенностью пропорций. Художник зарисовывал и записывал что-то в свой альбом. Потом, исходя из зарисовки и записей, складывал... И вот по ивовой отсылке Нины Заславной Петр исполнял задания и непомню каких летных нот — туда, где рождается любимое его детство — Санкт-Петербург. Кажется, что студеный ветер, дувший с моря и заставивший скривиться, пригнулся злодей козля Пётра, не только не власт над царем, но и сам является его верным единомышленником. Царь странен — «Лих его угасен». С пушкинскими словами прозрел Серов сквозь толщу лет облик Петра.

Еще посвящая за его величеством денщик и «знатные мастера всех худостей» с архитектуром по главе — настоящие спутники царя. Необыкновенная энергия и физическая сила стремительно шагающего Петра подчеркивают гениально найденными художественными приемами: словно бы оторванность людского клубка справа от фигуры царя, четкой определенностью, отчетливостью, выразительностью самой этой фигуры, особенно Петрова лица,

в сравнении с общей силуэтной замечательностью отставшей группы. Кажется, что сцена эта возникла не в воображении художника, а увидана им в реальности. Будто властью искусства раздвинулась завеса времен и предстало перед нами былое...

Вздыблившая железной рукой Петра Россия. Немыслимое чудо — Петербург, подвигавшийся на гнилых, болотистых берегах. Даже не русские — финны-норвежцы сложили ленточку о том, как много людей привлекло строить город на зыбком болоте и как всякий раз поглощало оно постройки... Но пришел боатырь, и снова на руках целый город, и поставил на болото. И не смолкло оно потопить богатырский город, который стоит до сих пор. Хотя и мыслит Петр с горечью и гневом, что «готовы поджечь город и флот» его противники, как только не станет государь, город не поглотит. Непрерывным потоком пошли в Петербург град новые переселенцы, привлекенные уже не строгим царским указом и страхом петровской расправы, а выгодой и удобством жизни у распахнутого изобретения и мощью Петра окна в Европу.

Небольшая картина Серова заставляет нас вспомнить еще и то, что царь видел «Питерсбург», собственно, только в проектах, над которыми сам и трудился вместе с архитектором Леблонгом. Юная столица при создателе своем являла собой лишь редкие высшие этажи деревянных строений в расклевываемых сравнительно небольших дворцах. И незлобно хотелось снова взглянуть на великий город, вставший волею Петра над болотом, словно бы еще и для того, чтобы доказать: нет невозможного для рече человеческого!

Вот они — великие Петрова дела: победа над шведами, прорыв к морю, армия, флот, школа, науки, искусства, промышленность, торговля... И, наконец, то, что позднее назовут общественной жизнью, малой частью которой будут «людовость» и «политзе», услышав людей жить вместе, а большую часть оставят то, о чем в 1914 году историк напишет: «Люди враждовали свободно мыслить о делах государственных, сбрасывая мертвящую общественное начало болотную привычку московских времен отклонять от себя инициативу решения общественных и государственных вопросов словами: «То дело Божие да великого государя».

Художник рассказал нам, какое сверхчеловеческое напряжение сил, великая работа требовалась людям на все это в пору, когда царь, сам трудившийся и шпикером, и люпитом, и солдатом по 14—16 часов в сутки, признавал русских людей заботя на время выгоды, удобства, досуг и другими усилиями вытянуть родную землю на новую родную. То не к одним городам Полтавы — в народы отбрасывал петровский призыв: «Войны Се приняв час, который должен решить судьбу Отчества. Вы не должны помнить, что сражается за Петра, но за государство, Петру врученное, за род свой, за Отечество... а о Петре же ведать, что ему жизнь не дорога, только бы жила Россия в блаженстве и славе для благосостояния нашего».

И за то, что ни жизни, ни трудов не щадил этот государь ради славы и блага Родины, любил его с безграничной преданностью, кто понимал смысл сверхчеловеческого, простого лица в особенной и не могла не сказать: «Вот это царь так царь, даром хлеба не ел, лучше булочки работал!» — скажет сын оло-

нского крестьянина, передавая слышанное от отца о царь-работнике.

Беспорочною оговоркой поинтересовался требовал Петру любой воле своей, своим указам и жестоким наказаниям, часто увеличенной казнию карал ослушников. Вытьте батами грозило за прогу ученику Морской и Славяно-греко-латинской академии, повешение — изыточнику, назоворяду, позвигавшему сумку, «достаточную на покупку веревки», «Кубок большого ора», валивший замертво, — трезвеннику, неспособному веселиться после алдской напряженности трудов с чем же грубым, безудержным буйством, что и мопарасиломи и орды его гнезда... «Петр Великий варварством победил русское варварство» — так оценил смысл и характер деятельности Петра I К. Маркс.

Предельная честность и прямота сочетались в Петре с непомнюй раздражительностью, штыльство ума — с грубостью нрава, демократизм — с абсолютным неприятием инакомыслия... Картина Серова говорит нам, как и почему этот феноменальный человек, при жизни много ненавидимый, бывший для народа своего

ВАЛЕНТИН СЕРОВ. «ПЕТР I». Гуашь. 1907 год. Государственная Третьяковская галерея.

более всего «нарем-антхристом», весьма спорно возродился в его памяти Петром Великим.

«Самовластье само по себе противно как политический принцип», — писал В. О. Ключевский, оценивая личность и дело Петра. — Его никогда не признает гражданская совесть. Но можно мириться с лицом, в котором эта противостоительная сила соединяется с самопожертвованием, когда самовластен, не жаля себя, идет напролом во имя общего блага. Его можно мириться с лицом, в котором эта противостоительная сила соединяется с самопожертвованием, когда самовластен, не жаля себя, идет напролом во имя общего блага. Его можно мириться с лицом, в котором эта противостоительная сила соединяется с самопожертвованием, когда самовластен, не жаля себя, идет напролом во имя общего блага. Его можно мириться с лицом, в котором эта противостоительная сила соединяется с самопожертвованием, когда самовластен, не жаля себя, идет напролом во имя общего блага.

Грядущие эпохи по-своему, с неведомыми еще нам чертами увидят лик первого российского императора, преобразователя и просветителя, карьериста и методика, достаивающийся от предков, утверждавшего высшее понятие света, правды, прогресса. Но мы сегодня воспринимаем Петра I именно таким, каким увидели и запечатлели его Валентин Серов.

Художником была задумана серия картин

о Петре. Мы знаем два варианта сцен «Петр I и Монплаисир», где царь изображен только что вставшим с постели: «не выспавшись, больной, лицо зеленое», — объяснил сам Серов. Настех закачавшая гулет, подошел Петр к окну и вдруг заметил какое-то заморское судно. Прирос к месту, прилип к стеклу лицом, с высоты длинных, широко расставленных ног рассматривая еще редко тогда и безмерно заморского гостя.

Сохранялся и окрик, где государь едет куда-то за город, на работы, в простой тележке — громаднейших, иных карет Петр не выносил, как и роскошных высокоских покоев, как и дорогого платья (самого два парадных камзола за всю жизнь сменил для Петра). Заметил на пути праданнонатоющегося мужичонку, но не имея возможности поспешить «угостить» его высочайшей дубинкой, проезжающий мимо царь, не черпавший безделья, успевает лишь погрозить незадачливому кулаком, сопроводив жест криком слогом. А вот характерная сцена в остепенленном коридоре петербургского Монплезира: сказав вду-

манного было ускользнуть трезвенника в батальерских объятиях, собственноручно диванет его волюнчато в рот тому «Кубок большого ора!» на глазах у любовитых гостей, столпившихся на пороге залы и не дерзающих вступить в коридор вслед за чернотростной царницей, спокойно наблюдающей за происходящим... Ни разу не обратился Серов ни к торжественному, ни к парадному эпизоду из жизни своего героя, а только к моментам обыденным и чисто деловым, ждал показать его, камам тот был в ежедневной трудовой жизни.

«Все это было либо не закончено, либо лишь начато», — пишет И. Э. Грибальд в своей монографии о Серове, — но и то, что сохранилось в серовских напках и альбомах, дает основание заключить, какую фантастическую и правдивую в одно и то же время петровскую эпопею мы имели, если бы работу над ней не прервала ранняя смерть художника, и какого волнющего исторического живописца, чувствующего подлинное дыхание истории, потеряло русское искусство в ноябре 1911 года».

КАНАТОХОДЫ

Риснок Геннадия НОВОЖИЛОВА

Сергей АБРАМОВ ФАНТАСТИЧЕСКИЙ РОМАН

айте вспомнить. Все-таки времени-то сколько прошло...

— Кто считал это время? Оно гинулось долго, бесконечно долго. Погода лавала или раньше, когда я только-только вернулся с задания, меня вызвал генерал Дибити.

Обычная обстановка, обычный разговор...

- Отдыха не будет.
- Я не устал.
- Тем лучше.

Продолжение. Начало в № 5.

звонно и заливает химией, смотрит по телевизору мелодрамы, а по ночам видит сны, подсказанные Каталогом.

Официальная пропаганда медленню, но верно делает свое черное дело. Старыми методами? А это не совсем так, если они по-прежнему действуют. Красные хотят сделать все общим, отобрать у бедного труженика дом, жену, дочку, телевизор, машину? Хотят, хотят! Так опасаться лишь, издавая в них мамки, они ваши ребята! Партия давно уже ушла в подполье, но решение объединить всех недовольных в одной организации пришло не сразу. Оно встречало сопротивление даже у тех, кто понимал: при существующем режиме тотального террора и страха не выжить даже в подполье. И партия сплотилась в тридцать, в сламе сотни тысяч людей, которые боролись за свободу и счастье, за право жить и работать по совести.

Великая штука — равновесие, конечно, устойчивое равновесие: шар в лунке — старый пример из учебника физики.

Две галмбы — две системы, и живут люди... Устойчивое равновесие? Вряд ли, оно неустойчиво, пока существуют ложь и насилие, пока жизнь человека в Системе Всобщего Контроля — ах, протравление, ах, земной раи! — не человеческая жизнь.

Вот почему существует слам. Вот почему сламливен. Вот почему он так страшен хозяевам Системы. Вот почему он непобедим, и побеждает, и побеждает. И еще почему он так опасен.

Я плохо знаю структуру сламы: вероятно, потому Мак-Брайт, или Линнет, или кто-то еще по-прежнему не мне с ней, если понадобится. Опять это слово непонятно. И оно так важно, и так важно так учился. Я не заглядываю в чужие окна, если они не входят в мои обязанности. А что входит в мои обязанности?

И протравку раку к видеофону и вывал сламничью в мусорный бак.

— Космовокал, телефон газетного киоска, первый этаж.

На окраине загорелся пирры, и я мгновенно выскочил на них бором радиоаппаратуры устроителя. Когда на окраине появилось многолюдное лицо Линнет, я сказал итрово и нагло — ну как еще можжет говорить с девчонкой старшей комсомолки?

— Привет, девочка! Узнаешь? Она улыбнулась:

— Что-то напоминаю...
— Можно напомнить подробности знакомства. Спасибо тебе, девочка!

Она помалась, жеманница:

— Я не уверена... Ну, если ненадолго...
— Надолго, ненадолго — разберемся после. В семнадцать минут.

И только выключив видео, подумал, что как лагматур получился друшским, если принять во внимание все сказанное Мак-Брайтом.

Глава четвертая, в которой не только танцуют

Вар «Семь футов под килем» я давно и прочно знал по кинолентам, прокрученным еще в Центре, но все же он поразил меня, как и расчитывали его хозяева: неоновая девица над выключенным радио — пивная, да и только. Асфальту, была ошеломительна. Линнет я ждал, но она не шла, прошел часок светящиеся нити — оптический обман честных тружеников! — и уверенно оставилась в воздухе в огромной шар-раковину: не спеша, Лайк, не видя никого, пусть тебя ищут, сегодня хозяин ты, у тебя деньги, у тебя сламма, подожди секунду, вот уже торонится к тебе тело белликий и напомаженный, во фразе белой — пивная, да и только.

— Ты один? — Легкий поклол, скрытое любопытство во взгляде: сколько стоит этот клиент?

— Со мной дома. Столик на двоих и подальше от шума, — небрежно и изысканно, ленивым тоном — можно не бояться перегреть.

— Прому вас? — Лавурем между столиками. — Этот устроит?

— Вполне. Мне имя — Лайк. Когда придет дама — проводите.

И поудобнее устроился в кресле, вытнул ноги и посмотрел на вход. Наверно, зря я это сделал, потому что пока оклеветал на себя сланишским сильным. У входа в зал стояла в искрающейся платье красавица. Куда исчезла мальчишеская телка — на голову невообразимо в виде банши. Мгнутаю позже она уже сидела за

моим столиком и говорила каприным голосом лисому официанту:

— Два обычных, Клей, два холода. Только без яскры.

И постепенно вернулась в нормальное состояние — очу критически оглядел окосеку.

— Я вижу, вы любознательны, Лайк. Задавайте вопросы — ответу. Сколько их у вас?

— Всего три, престелитна. Во-первых, откуда вас здесь зовут? Во-вторых, что это за галмбутья вы несли официанту? В-третьих, как киоскерша Линнет превратилась в снежную королеву?

— Линнет засмеялась, и сразу же ее «снейжная неинтересность» растаяла: улыбка была совсем не королевской — обычной, милой, земной.

— А с вашего позволения, я начну с третьего: я ни в кого не превращалась. Просто время талосе, а вы не знаете, как это происходит, когда люди работают киоскершами: жить-то надо. Во-вторых, если вы у себя на думе превратились в стельщишка, который не знает даже земных животных, то почему валите на меня: это «галмбутья» яскра и ползена, сейчас сам опените.

— А от откуда меня здесь знают? — Она опять улыбнулась, теперь задумчиво и холодно. — Все му свое время, Лайк, всему свое время: узнаете и вы.

— Ладно, я не горюлоссе, — протянул я, наблюдая за тем, как ингины во фразе раставлялись у нас на столе немилые изогнутые бобышки чьего-то синила, золотым, ровным, крайне аппетитным, пожелал нам приятного вечера и исчез, а Линнет, даже не взглянув на него, спросила деловито:

— А вы зачем?

И я бухнул с рамаку:

— Со сламы? — А Линнет даже бровью не пошевелила, улыбка была, сказала:

— Вы человек золотой — бодрит. А потом остальные — вечер долгий...

Она пошарила рукой под столом, щелкнула чьето, скривилась болезненно — палец прищемили. Она сразу выскочила из кресла, выскочила и уж совсем по-детски сунула палец в рот.

— Больно? — спросила сочувственно.

И получил ответ:

— Вы человек золотой, довольный, ничем не прикрытый. Думаете, что вы еще на два, в округ скалы и кратеры? Напрасно. Здесь все киоскерша и киоскерша микрофонами — от нашего золотого деловитыя официанта, а вы преспокойно задайте вопросы, от нашей же «сучащей» волоски лимб становится. Словом, я выключила микрофон.

— Но не хватается ли его наши друзья?

— Не хватается. И вы не знаете, что столик пуст — не обслуживаете никак посетителя нет. А лучше уходите, вернем игрушку на место.

И счел объяснения исчерпывающими и понобрал золотой палец: по вкусу он походил на мед. Но у этого золотого пойд была и своя особенность: оно не пивяило, а скорее бодрило, как стимулятор, поощряя к светской беседе.

Но светской беседы не получилось.

— Отвуч сразу же все предпологающиеся вопросы, — сказала Линнет. — Я и Мак-Брайт слышавем вас со сломом, ориентируем и поддерживаем все. Кроме Мак-Брайта, вас знает еще только Десятка — это руковоствоза сламма, а Первую Десятку — это руковоствоза сламма.

— Вы знакомы с ним?

— Что вы? — Она возмущалась. — Ник с кем из Десятки. Я слынала только с Мак-Брайтом и со сломом Десятки.

— У вас он есть?

— Конечно. Их десять.

— Так я и думал. А у этих десятки свои десятки. Старая и новая система — шумалась с единым словом.

— Посмотрите внимательно, — вдруг сказала Линнет, — кто вошел в зал.

И посмотрел внимательно, потому очень внимательно и все равно ничего особенного не замечал. Вошла, вернее, вывалилась, компания — человек десять, — пьяная, орущая, молодая, лохматая, пестрая и еще сто эпитетов, и все пододвинуто.

— Вы слыли?

— Вы слыли в синем ситовце, видите, рукой кому-то машет, — Факетти-младший. Вам это имя ничего не говорит?

— Мне это имя кое-что говорит. Я бы даже сказал, что оно крайне важно. Видно, Лайк, действие начинается, скоро твой выход!

И сразу же компания у стойки бара распалась да сразу на составные части, как детская пирамидка, — детские колышки на стержне. А стержнем

был Факетти-младший — приворожено, душа общества, рост под два метра, глаза серые, двадцать шесть лет от роду, занимается ллаванием, кончил Тринити-колледж, не работает, много лет, результаты странноватая: кому нравится, кому нет. Откуда пришел? Откуда свеленый. И принес их в кловое и прибрегал на всякий случай. Вот он, случай.

— Позвольте все пригласить...

— Как зовут парня на компании Факетти: медно-красная морда, честно говоря, не урод, волосы длинные, прямые, как пшут в книгах, «швета воронона крыла», перекаченые волосы, черная, но с горбинкой, черно-белые волосы, длинные, плещет?

— Спасибо, я не танцую.

— Что так?

— Устал.

— Почему же к нам — у вас весело, усталость пройдет.

— Как будто меня не существует: даже не взглянула я мою сторону. А Линнет волнуется, ждет мои реакции. Пора?

— Послушайте, приятель, как у вас со временем?

— Что-то? — Полное недоумение.

— Знаю вы не заметили, что дама не одна? Ах, как удивила: тридцать два свежих зуба, и все свои!

— Кажется, вы меня проигнорите, так я поляю?

— Вы сообрабатили...

Наверное, я что-то еще хотел сказать, но не успел: он равнулся вперед, схватил меня за ворот, резко пошла с кресла — я и силенца! — прошлепал на разную сторону.

— Спасибо ты пожалуйста, о сказанном...

— Уймись, силач, — бросил я равнодушно.

Но он не вынул голоса разумо. Коротко размахнулся, врезал ладонь — отработанный жест ударил меня по шее. То есть ему хотелось по шее, но я увернулся, и удар пришелся в плечо. Мне стало больно, и я овервел. Я всегда зверю, когда мне больно. Он по-прежнему держал меня за плечо, и я сказал ударить его по руке — под локоть. Он охнул и разжал руку. Я тут же схватил ее, рванул на себя, колени

— в живот, ладонью с рамаку — как колесом он сел на пивяило чьяльким жемком у стола — отхлону дружок.

— Что случилось? В чем дело?

Два вопроса прозвучали одновременно. Первый задал Факетти, второй — его приятель. А пошла ладонь его приятель, и вопрос не задавал: то ли стесался Линнет, то ли хотел посмотреть, что будет дальше.

И желжико поклонился любознательным молчаливым людям и столь же желжико объяснил ситуацию:

— Ваш друг, к моему великому сожалению, сначала оскорбил Лайка, а потом и меня. Я не люблю, когда меня хватают за плечки и дергают из-за стола, а он почему-то не захотел поступить иначе.

— Похоже на Дикого, — засмеялся Факетти, и я подумал, что он, вероятно, симпатичный и интеллигентный парень.

— Не обижайтесь на моего друга: он слишком горяч. Давайте согласимся, что инцидент исчерпан.

— Если не считать еще не пришедшего в сознание Дикого, то инцидент был действительно исчерпан: ни у Линнет, ни у меня претензий к Факетти не было. А Дикого, повидимому, можно считать его: его жалко под руки и поволокли к выходу.

— Вы этого хотели? — спросила Линнет. Видно, она не любила драк.

— Не хотел, но я не хотел этого, но дело, как говорится, сделано: Факетти меня запомнил. Теперь остается еще один шаг — напомнить ему о себе. Только вот как напоминать?

— Слушайте, Линнет, — сказал я. — Пусть являе перед вами Лайк со сломом: куда он пойдет, как передегатирует, какая у него программа на каждый день. И второе: я не хочу подвергать вас излишнему риску. Короче говоря, мне еще нужен какой-нибудь, шустрый и повзвляющий парнишка.

Линнет ответила, не задумываясь:

— Везет вам, Лайк. Есть такая парнишка. И помяните мое слово: она зовут его Лайк.

— Пусть придет ко мне послезавтра в девять тридцать утра. Уснет?

— Уснет.

— Я позвоню ему место встречи, а вы придете к нему. Факетти. Договорились? Тогда продолжим веселье.

И весь остаток вечера я доказывал ей словом и делом, что она не зря пошла со мной в этот «семифутовый» клуб.

Глава пятая, в которой действие происходит двумя месяцами раньше, когда Лайка в Городе не было

Утро было пасмурным и тоскливым — явнее серым дождем, дождь, а так, короче говоря, Мак-Брайт брился в ванной, разглядывая в зеркале ошарашенное от бесконечных зычных лиц — мешки под глазами, шальные щеня, а в носике совсем свободный и дурацкий носик — человек, на больших оборотах уже не знает, скоро на отдых, купит дом где-нибудь на море и забьет обо всем... О ежедневной, ежесекундной опасности, о снежке, о конспирации, о делах. Да разве забудешь?

Он говорил Первому об этом, зря, конечно, результат можно было предсказать. «Мне не славно, Мак. Ты уж потерпи: вместе начинали, вместе и кончили». Начались и сразу вместе, даже, еще до рождения Лестера, и сколько не бывало, перемучившись вместе — все вместе, в одной связке, по очереди стражу друг друга. Другое дело, а сколько и сколько...

Мак-Брайт заходил бриться, привычно помылся под струйками гидромассажа и, взяв лязг, пошел к лифту. Электростол со световым сигналом «Важно» стоял у подножья. Мак-Брайт назвал номер этажа, сигнал подал, и дверь откинулась.

Уже отходя от дома, Мак-Брайт сузил руки под сиденье и достал оттуда продолговатый футляр. Футляр был вышит залпиком, smoothly пошевелил губами, распрямившись. Текст. Ничего особенного, обычное дело, сколько их было у него.

Ли Джексон, район Ф-И-Дж, триста второй квартал, корпус, дом, квартира... Он работал у Вигла младшим оператором и чем-то не годился ему; в залпике об этом подробно не говорили. Зато Первого передали, что в пять за мальчишью придурь. Значит, надо опередить похищение.

Остановив электростол у вокзала, Мак-Брайт, согласно шифровке, промел на тридцатый перрон. Подождал к расписанию, которое уже звучало мужичина с блокнотом и женщиной, кого-то поджидая.

Операция-перехват, — ни к кому не обращаясь, неторопливо сказал Мак-Брайт и назвал адрес, указанный в шифровке.

Потом отглянулся по сторонам, пошел вдоль перрона, нырнул в вагон поезда, отметил, что мужичина у расписания положили блокнот и карточку, а женщины — только в выходу, и женщина все еще ждала кого-то, поджидая на дери в аде ожидания.

Он сошел на следующий ступень, сел в вагончик, прехаял пять остановок, потом вдруг пешком, спортивная в узкие штаны-уздья между бесконечными стенами небоскрегов. Это был район рабочих кварталов — без сверкающих реклам, роскошных витрин и шикарных баров. Обычно мурaveйник-дома.

Мак-Брайт свернул в очередное ущелье и, оглядевшись, вошел в подъезд, по замысловатой лестнице спускался в подвал, толкнув железную дверь с надписью «Вход посторонним» и отступая в длинном коридоре с мокрыми и холодными стенами, по которым тапились толстые — литой резины — армды. Он торопливо пробежал до последней двери с такой же грозной надписью и постучал осторожно.

— Кто? — спросил из-за двери.

— Седьмой, — ответил Мак-Брайт.

Две остановки и он оказался в жарком машинном зале с низкими потолками — казая-то районная подстанция, что ли? За магнитными следами всего два человека, и обих Мак-Брайт знал.

Один из них вретег его, проводил молча — трудно говорить в таком шуму — в стеклянную кабинку в конце зала, пультаво, закрыл за собой толстую стеклянную дверь. Две — устоять неподвижный человек и женщина — лет тридцати, — в серых комбинезонах, в запячках с козырьком, с нашивками на рукавах, ждали молча, не задавая никаких вопросов, как ждал при...

— Устад, — сказал Мак-Брайт. — Есть что вынести?

— Ни во, — откликнулся устоять. — Будешь?

— Буду, — кивнул Мак-Брайт, — и ты со мной. А Рив перебьется; у него сегодня день. Задай им кофе. Мак? — спросил устоять.

— Ребета Чизера сегодня играти в хоккейских. Вигла проваляет рвение, так мы его опять решим немного опередить.

— Кто сейчас? — спросил устоять.

— Мальчишня. Его привелут.

— Говорить будешь ты?

— Ляинет.

Над дверью загорелась красная лампочка, задалась тревожно, а через несколько секунд в зал раздался холодный металлический скрежет.

— Это Ляинет, — мигнул Мак-Брайт устоять, — жди и посиди за проходом.

В пультаво вошел, выскочил Ляинет — в комсомолке, в двестиотом платинице: совсем девчачья с рабочей окраской.

— Наконот-то! — сказала Мак-Брайт. — Пока подождем Чизера: он с минуты на минуту появится. Я уйду в аппаратуру, а ты поговоришь с новым мальчишком. Скажешь, что тебе говорил о нем до. Задашь ясно?

— Ясно. Что делать с мальчишкой?

— Ты поговоришь, а послушаю. А потом Рив его спичает.

— Зачем он вам?

И в этом позже. Если подойдет, будешь готовым?

— К чему?

Мак-Брайт не ответил, закрыл глаза, расслабился: устад, вымотался. Он знал, зачем ему мальчишка, поведенный, чистый, и славе его никто не знает. Вигла будет в ярости, что не, не примакать. Первый прикрывает, на то он и Первый, чтоб Вигла нейтрализовать. А мальчишня в трубкаб, конечно же, обживется, привыкнет.

В пультаво быстро вошел устоять.

— Мак, так Чизер и с ним трое. Один улован.

— Пусть войдут, — Мак-Брайт встал и пошел в аппаратуру. — Поставь блокпост на вход: मैं постою там же.

Он вошел в тесную, заставленную приборами комнату, где уже сидел долговязый Рив. Мак-Брайт приложил пальцы к губам — тиши! — и нажал кнопку у двери. Ли степенно — белой и непрозрачной — вымыслился квадрат. Своего же видна была пультаво, Ляинет на стуле и дверь, через которую двое мужчин вносили что-то тяжелое, завернутое в парусину.

Сзади шел человек, которого Мак-Брайт встретил на вокзале: он там читал расписание.

— Надеюсь, живым довезли? — спросила Ляинет.

— Даже без паранжи.

Мальчишка и впрямь оказался живым, даже сплюснком. После улова стимулятора он пришел в себя, вскопал, равнулся к дверям и, только выветив на Чизера, остановился.

— Вы кто? — Голос его звучал хрипло.

Ляинет улыбнулась мягко и ласково:

— Свои, Ли. Мы послали док.

Ли вскинулся, уже совсем подождал.

— Вы кто? — Голос его звучал хрипло.

— Знаю.

— А чего же вы здесь сидите? — Это уже потик крик. — Его же спасать надо!

Ляинет улыбнулась: уже очень трогательна был от своего волеания.

— Мне не осталяем друзей в беде.

— А кто вы?

— Узнаешь, Ли, все узнаешь. Лок проясил его, поговоритесь. Вот и ты должен пообщаться вместе с нами, док, Чизер о сотнях людей, которых арестовывают только за то, что они не пользуются симфониями, а за многое другое — за крик недовольства, за просторность.

Рив проводил с нами, док, Чизер о сотнях людей, которых арестовывают только за то, что они не пользуются симфониями, а за многое другое — за крик недовольства, за просторность.

Рив проводил с нами, док, Чизер о сотнях людей, которых арестовывают только за то, что они не пользуются симфониями, а за многое другое — за крик недовольства, за просторность.

Ли обернулся: огромный Рив в плаще, застегнутым наглухо, ждал у железной двери в машинный зал.

— А вы? — Ли жалобно посмотрел на Ляинет — единственную, так он думал, — ничитку, связанную с нами о доком.

— Я придру.

Ли шагнул вслед за Ривом. Дверь хлопнула за ними, лампочка над пультаво загорелась и погасла. Мак-Брайт встал и пошел в пультаво.

— Кто это? — Ляинет ждала решения.

— Мак-Брайт пошел плячми.

— Старый материал, но научится. Всема учитесь...

Глава шестая, в которой говорится о пользе случайных знакомств

И проснулся ровно в девять, а получасом позвонил в дверь номер позвонил. И нагнулся: привул и пошел открывать. За дверью стоял бело-брысый парень в нейлоновой куртке.

— Как самочувствие? — сказал он. — И из рекламного бюро Мак-Брайт: телевизоры, холодильники, радиоконробы.

— А-а, помню-помню, — протянул я, — что-то было... Ну, заходи, потолкуем о холодильниках.

— Ты не забудь, пожалуйста, выключить свет и замкнуть дверь, а осторожно примотайся напротив.

— Как зовут?

— Ли, — ответил паренек.

— Кто тебе дал мой адрес?

— Ляинет. Скажешь, что будете меня ждать.

— А быть послушною она тебе не учили?

— Ли тут уже не работает.

— Как же, по-вашему, должен себя расслышать на рекламного бюро?

И оменял отцы и воспомин, что Ляинет очень хвалила мальчишку: смелый, подвижный, осторожный, может быть, чересчур осторожный, но это пройдет, а так по всем данным — отличный связник, лучше не пожелавше. Для него это было, я думаю, привычная задача: дружеская, а не деловая. Значит и здесь. А это уже тайна, и Ли не должен знать в нее нос, а должен слушаться меня во всем — это боевое задание.

— Все что.

— Мак-Брайт, Ли, — сказал я, — найден Ляинет и передать следующее: «Два часа пополуночи, Сорочкова улица, кафе «Густрица». Запомнил?

Ли повторил про себе, кивнул согласно.

— А мне что делать?

— Придешь точно, только сам по себе.

— И не случайно назвал Ляинет на Сорочкову.

Движение электростол так достаточно интенсивно, чтоб даже издавался весь свой видельский класс: мой план «случайного» знакомства с Факетти, вернее, его продолжение, строился именно на умения водить электростол. План этот я придумал еще в Оубе, привычная задача: знакомство с Ляинетом. По моему же сокоммере: я должен был.

И заметил ее еще надали: она пересекла улицу, размахивая рыжей сумкой, непонятным мне нарисованным знакомом: кто-то упрямо цеплялся модницы всех времен.

— Девушка, — закричала я, перегнувшись через барьерчик, отходящий кафе от тротуара, — скажешь мне, как познакомиться с ней, разведи его тропу!

Ляинет обернулся, засмеялся, узнав меня.

И подвинул ее стул, подождало офидуанту.

— Продолжайте, пожалуйста.

Мы общаемся в безоблачности: пока не уходит офидуанту. Теперь можно перейти к делу.

— Тебе понравился Ли? — Мы перешли на «ты» сразу, без предварительных объяснений.

— Хороший парень, — ответил Ляинет.

— Витрина книжного магазина около стовки электростол. Заметил?

— Заметил: тоненькая фигурка в курточке возле книжного магазина — студентка или школьница.

— Что успела узнать о Факетти?

— Самое существенное. По средям он обещает у себя, временно покинувшего свою резиденцию в Метрополисе и обитавшего сейчас в Метрополисе. Видишь дом с лоджиями?

— Вижу.

— Тридцать седьмой этаж, второй блок.

Отче — банк, глава фирмы «Штакт Факетти».

Два — единственный наследник.

— Джи?

— Так вот твой будущего приятеля. Через полчаса.

— Какое, а не обидно стало быстрое разворота событий. Через полчаса на улице понаится тот, кто тебе необходим, ибо он ступенька к «Штакт Факетти», фирме, с которой связан задок Петру.

По попу Ляинет так спокойна?

— А зачем волноваться? Видишь электростол на ступеньке? Он один, и другого не будет, хотя улица бойкая и диспетчер просто обьявил: держись, а не обидно стало быстрое разворота событий. Через полчаса на улице понаится тот, кто тебе необходим, ибо он ступенька к «Штакт Факетти», фирме, с которой связан задок Петру.

— Нет, расче, прости за каламбур. Утром я говорила с Седьмым: это его работа.

— Давай по порядку. Кто такой Седьмой, и в чем его работа?

Продолжение следует.

**К 25-летию
Договора о дружбе,
сотрудничестве
и взаимной помощи
между СССР
и Народной Республикой
Болгарией**

НАРОД ВЕРНЫЕ СЫНЫ

**Министр Народной Обороны НРБ
генерал армии Добри ДЖУРОВ
отвечает на вопросы
специального корреспондента «Смена»**

**ТОВАРИЦЬ МИНИСТР, ИЗ КАКИХ
ВИДОВ И РОДОВ ВОЙСК СОСТОЯТ
ВООРУЖЕННЫЕ СИЛЫ НРБ!**

— В состав Вооруженных Сил НРБ входят Сухопутные войска, Войска ПВО, Военно-Воздушные Силы, Военно-Морская Флот и Партизанские войска. Их основанность находится на самом современном уровне.

Вы можете спросить: «А ракеты?» Наше государство невелико, и нам нет необходимости содержать и развивать Ракетные войска стратегического назначения. Мы считаем, что ракетный щит Советского Союза является достаточно надежной гарантией свободы социалистических стран и неприкосновенности границ всего социалистического содружества.

**СУЩЕСТВУЕТ ЛИ В БОЛГАРСКОЙ
НАРОДНОЙ АРМИИ ЦЕРЕМОНΙΑ
ПОВЕЩАНИЯ В ВОЙНЫ!**

— Делается это обычно так. На предприятии, заводе, в учреждении или кооперативном хозяйстве за 10—15 дней до отъезда призывником организуют проводы. По инициативе комсомольцев в зале дома культуры или в другом подходящем для такого случая месте проходит торжественное собрание. На торжестве приглажают участников борьбы против фашизма, ветеранов труда, а также представителей Болгарской Народной Армии.

Во многих случаях на этих собраниях

офицер шестуевой войсковой части приветствует призывников. Представитель административного руководства или партийного комитета тоже поздравляет молодых людей с предстоящим вступлением в ряды воинов. Он же или секретарь комсомольской организации зачитывает призывникам наказ трудового коллектива. Затем ребята вручают подарки с эмблемой предприятия. В конце, по заведенному обычаю, выступает кто-нибудь из призывников. Он от лица своих товарищей дает клятву беречь имя и честь коллектива, в котором работает...

И вот наступает день проводов. Военные комиссары вместе с комсомольскими комитетами определяют сборный пункт — здесь обычно организуют торжества. С раннего утра играет оркестр, затем начинается проверка и распределение призывников по командам. После этого новобранцы едут к месту службы.

Там также организуется торжественная встреча призывников. Кроме представителя войсковой части, приходят местные партийные, комсомольские и административные руководители, учителя школ.

**А КАК БОЛГАРСКАЯ МОЛОДЕЖЬ
ГОТОВИТ СЕБЯ К СЛУЖБЕ В АРМИИ!**

— Подготовка идет в системе допризывного военно-технического обучения, в военно-технических клубах: стрелковых, радио, авиа-, авто-, мор-

ских, морских и клубов по авиамоделизму. Все этой деятельностью руководит Центральный комитет Димитровского Коммунистического Союза молодежи...

Мы помогаем Центральному комитету ДКСМ в определении форм внеармейской подготовки молодежи. С нашей помощью разрабатываются программы обучения, пишутся учебники и методические пособия, составляются нормативы для учебно-материальной базы в школах и училищах.

Кроме того, наши представители предлагают и совместно с ЦК ДКСМ, министерствами и ведомствами проводить обучение личного состава, занятию внеармейской подготовкой молодежи. Ну и, наконец, мы выделяем необходимое для этого оружие, технику и другое имущество.

По решению Центрального Комитета БКП и правительства у нас введено обязательное двухлетнее военно-техническое обучение всех молодых людей от 16 до 18 лет. Для пионеров в Болгарии созданы военизированные отряды: «Молодой стрелок», «Молодой танкист», «Молодой пограничник». Широкий размах получила операция «Болгарская слава», военизированная игра наподобие вашей «Зарницы» — своеобразный отклик ЦК ДКСМ и армейской молодежи на новые задачи, поставленные перед

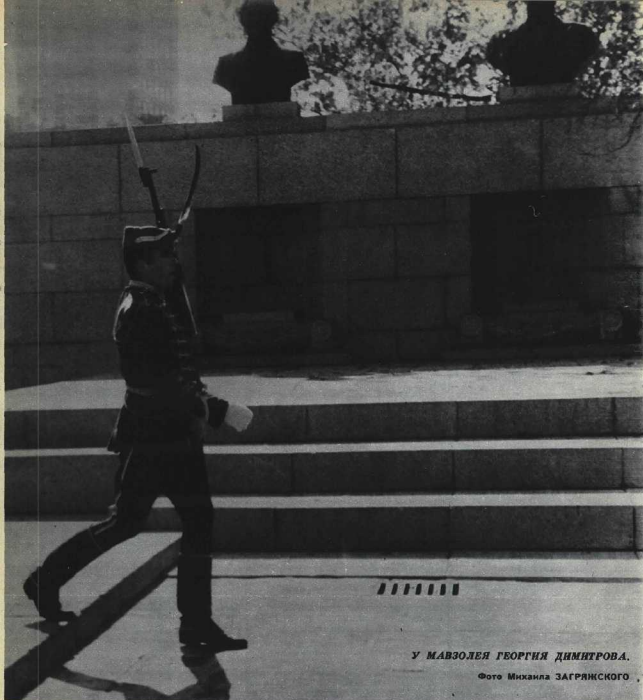
молодым поколением декабрьским пленумом ЦК БКП 1967 года.

**ЧТО ВЫ МОГЛИ БЫ СКАЗАТЬ О
СОВРЕМЕННОМ ОФИЦЕРСКОМ КОРПУСЕ ВАШЕЙ АРМИИ!**

— Наша армия укомплектована высококвалифицированными, политически зрелыми и преданными делу социализма военными кадрами. «Нынешние болгарские генералы и офицеры, старшины и сержанты», — говорилось в приветствии ЦК БКП по случаю 25-й годовщины БНА, — это верные сыны Болгарской коммунистической партии, высококвалифицированные команды и политические кадры, отлично подготовленные специалисты».

В своем большинстве (свыше 83 процентов) генералы и офицеры являются членами Болгарской коммунистической партии. Все офицеры закончили военные училища, школы и курсы повышения квалификации в соответствии с занимаемой должностью и специальностью. Свыше 42 процентов офицеров имеют высшее военное или гражданское образование.

Показателем для нашей армии является то, что каждый третий офицер имеет инженерное или техническое образование. Большая часть офицеров получила высшую военную и инженерную специализацию или усовершенствовалась всю подготовку в первоклассных советских военных академиях. И если наша армия сегод-

У МАВЗОЛЕЯ ГЕОРГИЯ ДМИТРОВА.

Фото Михаила ЗАГРЯЙСКОГО.

ни имеет высокоподготовленные военные кадры, то эти в величайшей степени им обязаны предоставленной нам возможностью черпать опыт из сокровищницы Советской Армии, возможности обучаться нашим офицерам в советских военно-учебных заведениях, за что мы особенно признательны и благодарны.

ЧЬИ ВОЕННО-ИСТОРИЧЕСКИЕ ТРУДЫ ИМЕЛИ, ПО-ВАШЕМУ МНЕНИЮ, НАИБОЛЬШЕЕ ЗНАЧЕНИЕ В ДЕЛЕ СТРОИТЕЛЬСТВА ВООРУЖЕННЫХ СИЛ БОЛГАРИИ!

— Болгарская Народная Армия — это детище нашей социалистической революции, Коммунистической партии. Ее создание и строительство связаны прежде всего с трудами Бриджиса Энгельса по вопросам защиты пролетарской революции, а также с огромным теоретическим богатством, которое оставил коммунистическим и рабочим партиям по вопросам создания, целей и задач армий нового, социалистического типа великий В. И. Ленин. Как и во всех областях социалистического строительства, так и в военной области огромное значение имеет опыт Коммунистической партии Советского Союза. Зная хорошо этот опыт и исходя из общих закономерностей социалистических революций и задач наших партий, стран и народов, наш учитель и вождь Георгий Димитров, Являясь со дня рождения которого недавно отмети-

ли все прогрессивные люди мира, в славных трудах уделяя исключительно большое внимание изучению и применению этого опыта в строительстве Болгарской Народной Армии, наша армия, — учил он, — должна быть, как Советская Армия. Мы должны иметь единые задачи, единую организацию, единое вооружение, единую военную науку... У нас должно быть полное понимание, единый язык по всем вопросам. Поэтому, обращаясь ко всем офицерам, он советовал им днем и ночью учиться на богатом, неиссякаемом опыте, на стратегиях и военном искусстве непобедимой Советской Армии.

Нет области строительства, обучения и воспитания нашей народной армии, куда Георгий Димитров не внес бы свой ценный вклад, не дал мудрых указаний политика и государственного руководителя, деятеля международного коммунистического и рабочего движения.

Мы постоянно пользуемся и военно-историческими трудами пладеды советских полководцев времен гражданской войны, особенно Милана Васильевича Фрунзе, а также опытом прославленных военачальников Советской Армии.

ТОВАРИЩ ГЕНЕРАЛ, КАКИЕ КАЧЕСТВА КОМАНДИРА ВЫ ЦЕНИТЕ ВЫШЕ ВСЕГО!

— Будущая война, если империалистам удастся развязать ее, поставит

перед серьезными испытаниями все стороны человеческой деятельности и прежде всего моральные и физические силы человека, воина, командира. В тяжелых условиях ракетно-ядерной войны устоят те офицеры и бойцы, которые носят глубоко в своих сердцах идеи коммунизма, веру в победу нашего дела, обладают чувством и творческим подходом к работе, устоят те, которые являются активными и дисциплинированными, проявляют мужество, отвагу и самопожертвование, обладают сильным характером, твердой волей и высоким боевым духом.

Офицер социалистической армии является представителем Коммунистической партии в Вооруженных Силах. Он политический деятель, организатор, воспитатель и руководитель солдатских масс, активный пропагандист и борец за привнесение в жизнь партии и правительства в армии. Его главное призвание — готовить политически сознательных, идейно убежденных, самоотверженных защитников дела социализма и коммунизма. Вот почему и исключительно ценно идейно-теоретическую подготовку, коммунистическое мировоззрение и глубокую убежденность в правоте политики партии у каждого командира, у каждого офицера. Лишь при наличии этого условия мы можем говорить о других командирских качествах.

Не меньшее значение я придую нравственной чистоте, честности, ак-

курности в работе, а также поведению офицера в обществе и перед подчиненными. Командир воспитывает других и сам личным примером. Он является носителем всех ценностей национального характера, исторически созданных нашим народом, которые обогащаются и передаются из поколения в поколение. Из глубоко командирских качеств больше всего ценю активность и инициативность, точность, краткость и ясность в изложении и отдавании приказов, указаний и распоряжений, доблесть и мужество, самоотречение в службе и особенно твердую волю при осуществлении своих решений и выполнении приказов.

ТОВАРИЩ МИНИСТР, КАК ОБЫЧНО ПРОХОДИТ ВАШ РАБОЧИЙ ДЕНЬ!

— Рабочий день военнослужащего не измеряется в часах, ибо он целиком в распоряжении службы. Мы всегда руководствуемся правилом: не оставляй сегодня работу на завтра. Очень часто это означает еще год и продолжительность моего рабочего дня.

ЕСТЬ ЛИ В ВАШЕЙ СЕМЬЕ ЕЩЕ ВОЕННЫЕ!

— Мой старший сын Чавдар — летчик, старший лейтенант-инженер. Младший Спартак — курсант Военно-морского училища в Ленинграде.

ВАШИ ДРУЗЬЯ В СССР КАК СКЛАДЫВАЛАСЬ ВАША ДРУЖБА С ЭТИМИ ЛЮДЬМИ!

— Как наши народы связаны прошлым, настоячим и будущим, так и наши воины связаны братскими узами и шагают плечом к плечу, в едином строю. Нашим, моим товарищам являлись все советские воины, маршалы, генералы, офицеры и бойцы Советской Армии: среди военных у меня много близких друзей. Нечетко из них это мои преподаватели и соратники по Академии имени М. В. Фрунзе и Академии Генерального штаба Советской Армии.

Дружба наша зародилась на основе наших общих идей, нашего общего идейного и политического единства, существующего между нашими партиями и народами, наших общих задач в деле строительства Болгарской Народной Армии. В числе моих самых близких друзей могу назвать генерала Н. И. Солдатова, генерала А. И. Баскова. Особенно близки наши отношения к ним это мои преподаватели и соратники по Академии имени М. В. Фрунзе и Академии Генерального штаба Советской Армии.

ЧТО ВЫ ВИ ХОТЕЛИ ПОЖЕЛАТЬ СОВЕТСКИМ ВОИНАМ!

— Бойцам и командирам славной Советской Армии от души желаю еще больших успехов в овладении всеми современными видами техники и вооружением, в повышении их военного мастерства и поддержании высокой боевой готовности к тем, чтобы Советские Вооруженные Силы всегда были в высшем состоянии законченности нашего социалистического сотрудничества, бастонном против любых прощисков империалистов. Как раньше, так и сейчас Советская Армия является надеждой для всех народов мира в их борьбе за мир, демократию и социализм. Поэтому наш пролетариат поздравляет Красную Армию с созданием стихотворения «Красные эскадроны», обращаясь к красноармейцам, восклицает:

Эй, летящие, эскадроны! Взор огромный, взор миллионы к вам с надеждой! Призывай и огнем любви живыми!

доморощенные «археологи» не намерены ни с кем делиться, они продают находки контрабандистам. И бесценные вазы, бронзы, драгоценности уходят за границу...»

«ЭННА МЭГЗИНИ», СИЕНГАПУР.

Морей. — Но как только они выходят на улицу сразу же морей и начинается оцепененная перестрелка.

И другая проблема напоминает Диний Запад и принижает неприязни боляничной индустрии: возмущенные посетители и наивные. Часто, например, отец, которые охватывают рождения ребенка, выхватывают пистолет и угрожают врачам смертью, если не ребенок или женой что-либо случится.

В ряде больниц посетители болеют. Тот же Морей сообщает: «Иногда до сих пор нации пониженное улетает посетители оставить уходящих детей — для этой цели мы имеем сейфы». Иногда в сейфе хранится по сей день, иногда несколько килограммов.

В то время как в Японии возмущены своих людей только полицейскими дубинками («И у нас коридоры больницы строятся из бетона, и в другие больницы охранники коридоры перемещаются. А охрана чужесовной больницы «Майкл Райз» наблюдает двумя детскими автомобилями, двумя мотоциклами, колбасами и служителями имеют те же права, и обычная полиция.

Но самым драматическим является слушанье угрозы войны больницами. В воскресенье Нью-Йоркские больницы получили в течение стало получать угрозы больницы по телефону. «По крайней мере раз в неделю по телефону нам угрожают аэрием майора», — выкрикивает доктор Дино Мерфи. — К счастью, до сих пор это угрозы по телефону, как просто пытались запереть».

При подобных угрозах возникает основная проблема: никто точно не знает, следует ли эвакуировать больницы. Медики в Японии и Лонгвуде были эвакуированы и больницы размещены в другой больнице. В Нью-Йорке в последний момент выяснилось, что аэрием машины не могут находиться в килонах, где летается 500 или 1000 пациентов?»

«ШТЕРН», ФРГ.

9.

Французской молодежи нет больше смысла получать высшее образование: основные принципы вывода дает исследование о положении молодых специалистов на предприятиях, проведенное по инициативе одного французского предпринимателя «Предприятие и прогресс».

Все острее стал ощущаться дефицит среди технических кадров при избытке дипломированных инженеров, и это заставляет молодежь пересматривать ныне существующую практику получения образования до поступления на работу.

Работодатели объясняют свое недовольство молодыми специалистами тем, что якобы люди, получившие сплюснком много знаний, начинают работу с большим трудом, приспособляемость. Зачастую они отказываются последовательно пройти через более низкие должности, не соответствующие их образованию; но даже, однако, возможность глубже познакомиться с процессом производства. Все это как правило, приводит к тому, чтобы занять руководящие посты. Прием молодежи на работу невыгоден владельцам предприятий, так как, несмотря на свои дипломы, начинающие инженеры совершают уйму ошибок, дорого обходящихся предприятию.

В результате все большее число дипломированных специалистов не может после выпуска найти себе место. Во Франции в настоящее время 8,5 процента среди молодежи и 6 процентов среди коммюнистической и христианской кадров не имеют работы.

«АНТРЕПРИЗ Э ПРОГРЕС», ФРАНЦИЯ.

Согласитесь, что эта фраза «Попробуйте, сколько мы летим» звучит странно. И том же месяце в итальянском городе Сан-Винченцо вы спросите у кого-нибудь из местных жителей о его городе, он ответит вам именно так. И вынесет из дома стакан вина. В Сан-Винченцо существует обычай: когда рождается ребенок, в тесном доме ставит бутылку молока вина. Прибавляется лет, дитяти — прибавляется и вино. Обычно большую его часть выпивают на свадьбе, но несомненно бокал вина-риваса сохраняет всю жизнь.

В Сан-Винченцо любят потоклясть о зятках, которые определяют возраст с точностью до года, отгадывая лишь глоток вина. Как-то, рассказывая в Сан-Винченцо, некая дама, утверждала, что ее сорок, домочадцы же местного винодела. Все было в порядке, пока жена не спросила вина. Отгадую, он воскликнул:

«Что же ты меня обманывала? Ведь тебе уже сорок восемь!».

«РЕВИСТА СЕМАНАЛЬ БОЛИНИА», БОЛИНИЯ.

11.

Пусть вас не удивляет фотография. Это необычная деконструкция провал скульптор Доменико Альбино. Он вышел на улицы Флоренции, пытаясь обратить внимание прохожих на перенасыщенность города, численность которого растет с каждым годом за счет людей, прибывающих из зарубежных стран, в частности Италии. «Мы живем теперь настолько скучно, что скоро нас будут сравнивать с сардинцами в банках», — сказал он, представляемая печать.

«ВИНЕ НУВЕДЖОРИН», ИТАЛИЯ.

витринах. Новость распространяется мгновенно. Работники на верна. И есть от чего Морей стал первым городом в мире, открывшим табак.

Это началось более года назад. Милос, Тобин, заместитель главного редактора «Франс-интер», искал идею, которая привнесла бы новизну в общественность.

Вот в руки ему попала статья об эксперименте по курению табака. Он курение — без вреда, без привыкания, без зависимости. Эксперимент итрит коллективные убеждения — и курение табака.

Идея была принята. Надо было выбрать конкретное место. Италия — страна, которая курит газы и тенью наливает в бутылку. В Италии в то время правил селенио Салер. В 1971 году сюда прибыла группа из «Франс-интер». Экспериментирования принесла большой успех. В селе было 100 курящих. Нововина из них отказались от сигарет.

Отзыв оказался настолько большим, что в село стали приходить тысячи pilgrim со всех концов света. Те, кто отказался от табака, стали термом. Когда наступило лето, в село прибыла группа из «Франс-интер». Они решили не останавливаться на достигнутом, а объектом нападения был избран городок городок Морей. После села — город!

На митинге в кинотеатре «Новый мир» выступил журналист Приходия семьями, с детьми. Прочитал статью в журнале «Трибуна». У нас люди любят развешивать, что — бесплатно! Однако на митинге они отказались не из уважения к любознательности, а потому что действительность хотела бы увидеть.

На сцену поднялись гости из Салере, которые рассказали о своем опыте в курении. Они рассказали о своей второй решимости отказаться от курения, рассказывая владельцам ресторанов, что курение — это путь истинного, предельно высокого качества. Но курение — это путь истинного, предельно высокого качества. Но курение — это путь истинного, предельно высокого качества.

Другой акции был Физик Оскар Др. Он и его сподвижники привели в ресторан, как Великий поход. Оскар привел в ресторан, как Великий поход. Оскар привел в ресторан, как Великий поход.

Оскар привел в ресторан, как Великий поход. Оскар привел в ресторан, как Великий поход. Оскар привел в ресторан, как Великий поход.

«ИЛЛОСТРИРАНО ПОЛИТИКА», ПОЛТИКА, ИТАЛИЯ.

13.

Остров Тортино принадлежит Гансии и расположен севернее. Он настолько маленький, что разглядеть его можно лишь с вершины скалистых скал. Но тем не менее остров имеет богатую историю. Многие другие острова, у которых больше территории, этой историей не обладают. Многие другие острова, у которых больше территории, этой историей не обладают.

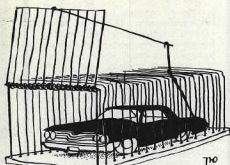
С тех пор и немало воды ушло, покое, что на острове возродились традиции. Виталио из достоянных источников поступил сведения о том, что разработать проект создания здесь военно-морской базы США. Конечный, представляемая США, Союзниками Штатам, является образцом «деловитости» между двумя странами между Иван-Юлиан Дювалье и правительством Вашингтона. Отправлены «Дона» правительством знает, чем угорять своим американскими партнерами. Виталио в свою очередь, не скрутился на «полюс» — стараясь удержать политическую репутацию. Виталио в свою очередь, не скрутился на «полюс» — стараясь удержать политическую репутацию.

Сейчас Штатам предоставили Иван Дювалье — в прошлом 750 тысяч человек на протяжении десятилетия. Штатам, является образцом «деловитости» между Иван-Юлиан Дювалье и правительством Вашингтона. Отправлены «Дона» правительством знает, чем угорять своим американскими партнерами. Виталио в свою очередь, не скрутился на «полюс» — стараясь удержать политическую репутацию.

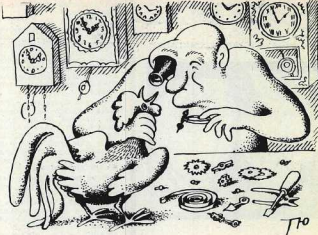
«ВОЗМА», КУБА.

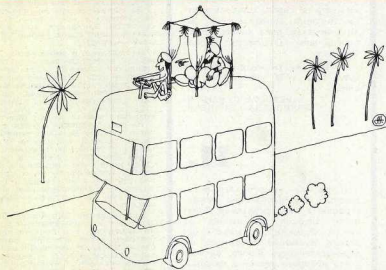
Рисунки Сергея ТЮННИНА

170

170

Рисунки АНДРЕЯ НЕФРАСОВА

Под редакцией мастера Виктора Любимского

ОН СТАЛ ЧЕМПИОНОМ КОНТИНЕНТА

30 молодых шахматистов из 28 европейских стран съехались в голландский город Гронинген на чемпионат континента 1973 года среди юниоров. Нашу страну на этом ответственном состязании представлял 20-летний студент Львовского университета мастер спорта Олег Романович. В финальной партии Олег добился победы с отличным результатом 7½:1½. Он завоевал титул чемпиона Европы и был удостоен звания международно-го мастера.

Обстоятельства напряженной спортивной борьбы не мешали Олегу проследить за интересным, захватывающим шахматным действием. Вот два фрагмента из партии, сыгранных им на турнире в Гронингене.

На этой диаграмме изображена позиция, возникшая в партии Романовича с югославским шахматистом Марьяновичем после 24-го хода черных. Игранный белыми ладьиник смело похерил на месте и создал опасные угрозы неприятельскому королю.

25. Лd6—e6! 17: e6 26. Фe5—e4! Крg8—g7 27. Фe6—d7! Лf8—f7 28. Фd7—d4! Крg7—f6 29. Фd4—h4! Крf6—e7 30. Фh4—d4! Крg7—h6 31. Сg2—d3! По этому ходу, видимо, с целью выигрыша времени, отведенного на обдумывание, Романович находит оптимальную линию развития игры.

31... Лf7—f5 32. Лe1—e7! Фd6—b1+ 33. Крg1—g2! Лf5—f6 34. Фd4—h4! Лf5—h5. Следует мощный тактический удар, заставляющий короля черных предпринять глупое для него путешествие.

35. Лd7—h7+ Крh6—h7 36. Фh4—e7! Крh7—h6 37. Фe7—f8! Крh6—h7 38. Фe7—f8+ Крh7—h6 39. Фe7—f8+ Крh6—h7 40. Лd7—h7+ Крh6—h7 41. Фh4—e7! Крh6—h7 42. Сg2—f3x.

Оригинальной комбинацией Романовича завоевался его партнер с греческим мастером Макропулосом. Перед вами положение фигур, созданные еще после 4-го хода черных. Жертвой обеих своих ладьей уничтожил конюшу противника, а затем, искусно маневрируя по диагонали ферзем и парой слонов,

быстро развил нестрастное наступление. 25. Лd2—d4! Кв6:4 26. Лd1: d4! e5:4 27. fс3:4 4 Фc7—e7 28. Фd4—e3 Крg8—g7 29. Сg2—h3 Лd6—h6 30. Фe3—f4 б7—b6 31. Крg1—f1 Лd6—e6 32. Сh3—d7! Фe7—d8. Черные пытаются вернуть качество и наотказывают оборону, но этот план не приносит им удач. Романович играет точно и энергично.

33. Фh4—g4! Крg7—f6 34. Сg7—e6! Крf8—e6 35. Фe4—g7 Лh6—h6 36. Сd2: f6 Фe7—d7 37. Фe7—h7 Фe7—h7 38. Крg1—g1 Крe6—e7 39. Фh7—e7 Крf7—e6 40. Фe7: h6 Лf8—g8 41. Сf6—g5! Черные сдались.

ИГРАЕТ СЕРЕБРЯНЫЙ ПРИЗЕР

Мы уже знакомили читателей «Смены» с итогами последнего шахматного первенства страны и приводили пример игры одного из бронзовых призеров — молодого корольковградского ма-

стера Геннадия Кузмина. Теперь познакомьтесь с творчеством обладателя серебряной медали югославского турнира 20-летнего гроссмейстера из Одессы Владимира Тюмашова.

В такой острой ситуации пришла после 17-го хода белых партия Тюмашова с мастером из Кургана И. Епанковским. Молодой одессит, играяный черными, принял неожиданную комбинацию редчайшего свойства: на отпад ферзя и пешку за три легкие фигуры.

17... e4! f3! 18. Сf4: b6 19. e2! 19. Крg1: g2 20. b2—b3 21. f2—f3 22. f3: g4! По этому плану действия избранной белыми, заметно ослабевает белая пешка в их лагере. И, таким образом, «случает» белым посылка соперника. Однако в любом случае ферзем нелегко противодействовать хорошо подготовленному друг друга легким фигурам партнера.

18 25. Фd3—b5 Сd5—f3 26. d4—e5 Кс6—e5 27. Лd1—c7 Лd6—b6 28. Лf1—c1 б7—b6 29. Фb5—a6 Белые атакуют размер всех ладей и завоевание черных пешек ферзевого фланга. Но начекаяная ими операция явно запаздывает.

29... Сf3: d5 30. Лc7—b3 Кe5—f3 31. Крg1—f1 Кf3—h2 32. Крf1—e2 Лb6—e3 33. Лc3: e3 б7—h5 34. Лe3: f8+ Сg7: f8 35. Фe6: b6 h5—h4 Эта проходная пешка на королевском фланге, надеюсь, привлекла внимание фигурами, «случит» важным поспор в этой стадии партии.

УЧАСТНИК НАШЕГО КОНКУРСА

В связи с большим количеством писем, поступающих на шахматный конкурс «Смены» 1972 года, работа жюри завершится несколько позднее, чем предполагалось. О результатах этого конкурса мы расскажем в одном из летних номеров журнала.

ШАХМАТЫ

НА СОВЕА, ШЕРСО.

Музыка Сергея ТОМИНА

Слова Льва ОШАНИНА
Музыка Сергея ТОМИНА

Все, что есть

Идем с тобой тропой зарослею,
Не улыбаться нам нельзя.
А все, что есть в тебе хорошо,—
Смешливые, смешливые твои глаза,
Смешливые твои глаза.

Расноумлея зарю над рощею.
Ядром дорняка нам легка.
А все, что есть в тебе хорошо,—
Мелкая, мелкая твои рука,
Мелкая твои рука.

От ветра лист летит порослею,
Ложится под ноги, шурша.
А все, что есть в тебе хорошо,—
Открытая, открытая твои душа,
Открытая твои душа.

Приходит к нам любовь непрошено,
За придет же перечесть.
А все, что есть в тебе хорошо,—
Не что-нибудь, а все, что есть.
Не что-нибудь, а все, что есть.

КРОССВОРД

Составила И. САВЕЛЬЕВА,
г. Кузнецкий,
Оренбургская обл.

По горизонтали:

5. Польский революционный демонстрат, участник Паризской коммуны. 8. Красная минеральная вода. 9. Ученая степень в некоторых странах. 10. Река, вытекающая из Чудского озера. 12. Знак продолжения звука или паузы в музыке. 16. Сатирический отдел журнала «Современник». 18. Художник-персеидинин. 19. Разнообразие чая. 20. Часть света. 21. Деревянный духовой инструмент. 22. Сюита отенко в красках, тона в музыке. 25. Инструментальная пьеса с плавной мелодией. 28. Порт в Римском заливе. 30. Основание, довод. 31. Штангист, чемпион мира. 32. Часть дробы.

По вертикали:

1. Почтовый паплет. 2. Спутник планеты Уран. 3. Город в Эфиопии. 4. Татарский композитор, народный артист СССР. 5. Спортсмен, надуши в состязании впереди. 7. Автор «Путешествия Гуагавара». 11. Изменение видимого положения светила на небесной сфере. 12. Штат в США. 14. Вид управления в легкой атлетике. 15. Русский писатель XIX века. 16. Город в Калининградской области. 17. Перелетная птица. 23. Место пересечения двух плоскостей. 24. Озеро в Новгородской области. 26. Озеро в Казахстане. 27. Способ печатания. 28. Государство в Центральной Америке. 29. Возмещение расходов, погашенные задолженности.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 5

По горизонтали:

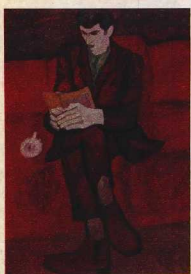
5. Орнестрова. 7. Рабле. 8. Орун. 13. Арап. 14. Астр. 15. Капучино. 19. Вольфбой. 20. Каракумы. 21. Навигашия. 25. Каноэ. 27. «Видео». 28. Короб. 29. Нанка. 30. Иллюстрация.

По вертикали:

1. Коралл. 2. «Перекон». 3. Попович. 4. «Радуца». 6. Тинави. 9. Гармоника. 10. Девосина. 11. Струнгу. 12. Калыамкина. 15. «Нпоучи». 16. Ретби. 17. Нампа. 19. Оралд. 22. Вербоуд. 23. Вазамби. 24. Шангау. 26. Эбонит. 27. Ваньян.

НАША ВЫСТАВКА

КИСТЬ ГАРИФА

ПОРТРЕТ ХУДОЖНИКА Н. ДЕМЕШЕВА.

ГОРОД ПУШКИН.

Гариф Басыров окончил ВГИК, художественный факультет. Но художником имно не стал: его заинтересовала работа в графике, в книжной иллюстрации. Острые, выразительные рисунки Гарифа Басырова печатались в «Литературной газете», в журнале «Юность», где художник показал несомненно десятки графических работ на небольшой выставке. И довольно часто бываю в мастерской Гарифа и знаю, как он работает. Басыров — художник импульсный, впечатлительный. Ему не нужно много времени на обдумывание, предвзятые наброски. Он на лету схватывает характерный жест, выражение, мимику. Ирония, смех, гиперболы — все это добрые спутники Басырова, когда он остается один на один с чистым листом бумаги. Пока он еще в том возрасте, когда не особенно ценешь время, оно течет сквозь пальцы. Драгоценнейшее время, которое нужно для работы... Он мог бы сделать значи-

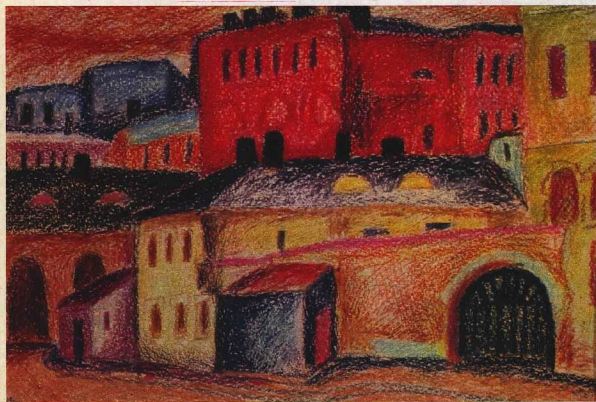
КОЛЬСКИЙ ПОЛУОСТРОВ.

тельно больше и наверняка сделает, а в это время! Запол этой уверенности — его кисти и «Мастеру и Маргарите» М. Булгакова, его рисунки на спортивные темы, зарисовки старых москвитских переулков и переулочков.

По путевкам ЦК ВЛКСМ Гариф Басыров не раз ездил на ударные комсомольские стройки, мила среди строителей и всегда привозил из своих путешествий интересные рисунки. Его портреты привнесают психологической достоверностью, выдают его острый взгляд. А в своих иллюстрациях к Булгакову Басыров демонстрирует умение фантазировать, он берет своих героев на горячий песок, поднимает их над Москвой, сталинивает в драматических ситуациях.

Работы Гарифа Басырова уже были и еще будут на больших выставках. Верится, что его ждет хоть и нелегкий, но счастливый путь в искусство.

Григорий АНИСИМОВ

СТАРАЯ МОСКВА.

ДЕВУШКА С КНИГОЙ.

Цена номера 20 коп.
Индекс 70820